Катасонов

РЕЛИГИЯ

ДУХОВНО-РЕЛ
ОСНОВЫ КАПИ

Валентин Юрьевич Катасонов

Религия Денег. Духовно-религиозные основы капитализма

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9821484
Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма: Кислород; Москва; 2014
ISBN 978-5-901635-34-6

Аннотация

Предлагаемая книга впервые за сто с лишним лет с момента выхода в свет работ немецких социологов Макса Вебера и Вернера Зомбарта возвращается к фундаментальному осмыслению религиозно-духовных корней современного капитализма. Автор подвергает критическому анализу работы указанных социологов, отделяет в их концепциях «зерна» от «плевел», раскрывает новые явления в капитализме, обусловленные духовными трансформациями человека и общества в XX – начале XXI вв. В работе выдвигается принципиальный тезис о том, что сегодня все основные мировые религии переживают процесс трансформации в единую мировую религию, которую автор условно

называет «религией денег». Такой «диагноз» крайне важен для того, чтобы человечество осознало глубинные причины надвигающихся на него кризисов и катаклизмов и сознательно начало отмежевываться от «религии денег». В заключительной части работы в сжатом виде излагается христианская (православная) альтернатива капитализму.

Содержание

Введение 8
Часть I 17
Глава 1 18
Капитализм: история понятия 18
«Рыночная экономика» – новый бренд капитализма 32
Критика материалистического взгляда на общество и историю 40
Глава 2 62
Капитализм как фрагмент русской истории 62
Капитализм и Церковь 76
Экономический кризис, или Суд Божий? 95
Часть II 110
Глава 3 111
М. Вебер: свежий взгляд на капитализм 111
Теория Вебера: аргументы и контраргументы 115
Протестантизм и капитализм: что первично? 129
Протестантизм по Веберу: а был ли 133

такой протестантизм?
Западная философия как источник «духа капитализма» 143
Альтернативные версии зарождения капитализма 153
«Свой – чужой» как принцип капитализма 166
Теория Вебера и современный капитализм 177
От «протестантской этики» к «естественному праву» 181
Конец ознакомительного фрагмента. 190

В. Ю. Катасонов
Религия денег
Духовно-религиозные основы капитализма

Не можете служить Богу и мамоне.
Мф. 6:24

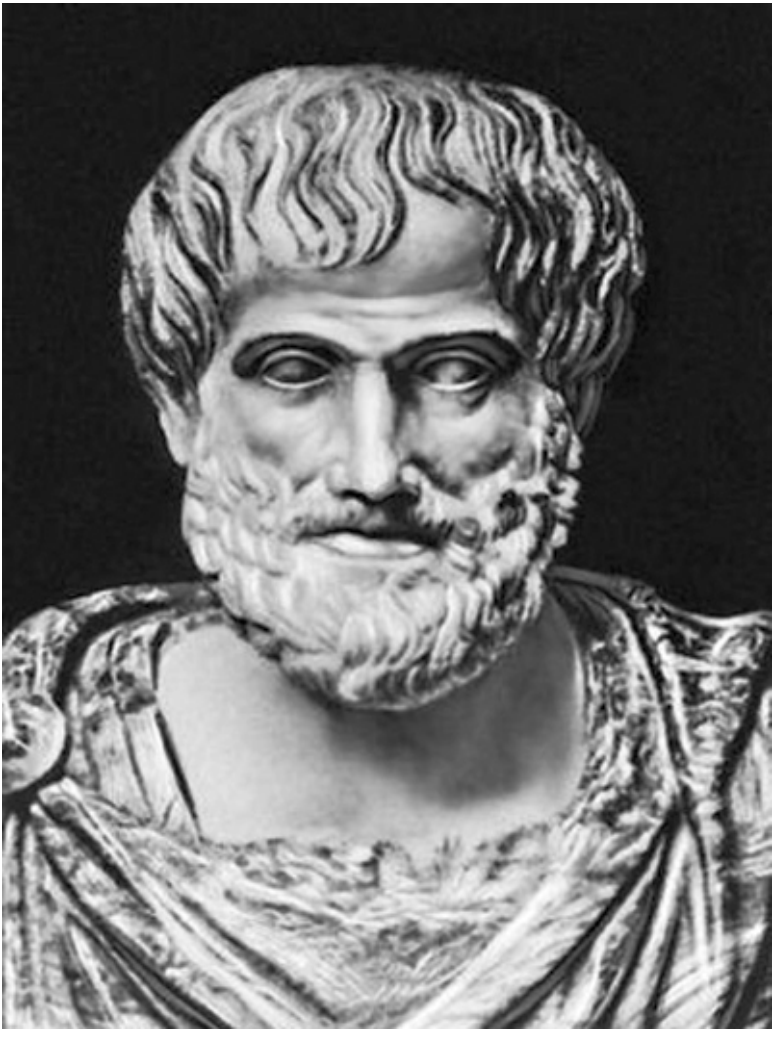
Введение

Сегодня мы живем в мире недомолвок и умолчиваний. Вроде бы у нас свобода, а человек понимает: есть темы, которые нельзя затрагивать, нельзя даже задавать вопросы. Наступил век «политкорректности» и «самоцензуры». Во все времена люди задавали вопрос: «В каком мире я живу?» и пытались на него ответить. Нынче вопросы типа «В каком мире мы, русские, оказались в начале XXI века?» звучат крайне редко, и ответы на них чаще всего бывают невразумительными. Власть на такие вопросы ответов не дает и откровенно их боится.

Даже в советском «тоталитарном» обществе руководители партии и государства не стеснялись ставить такие вопросы. Например, один из последних руководителей Советского Союза *Андропов Ю. В.* признавал: «Мы не знаем общества, в котором живем». И ставил задачу – понять, что это за общество. Мы сейчас не собираемся оценивать, насколько искренним было желание советского руководителя познать тогдашнее общество и насколько советские обществоведы успешно решали такие задачи. В данном случае мы лишь хотим подчеркнуть, насколько «зашоренным» оказывается общественное сознание в со-

временной «демократической» России даже по сравнению с «тоталитарным» Советским Союзом.

В политическом лексиконе для обозначения социально-экономической идентичности современного российского общества употребляется набор набивших оскомину штампов: «демократия», «новая Россия», «свобода», «права человека», «рыночная экономика», «свободное предпринимательство», «правовое государство», «социальное государство», «республика» и т. п. Некоторые из этих понятий никак не расшифровываются, другие являются просто лозунгами (не имеющими никакого отношения к реальной жизни), третьи просто демонстрируют невежество тех, кто их запустил в оборот.



Аристотель

Мне, как экономисту, скажем, представляется абсурдным такое понятие, как «*рыночная экономика*». Ведь «экономика» – слово греческого происхождения и в переводе на русский означает «домостроительство». То, что мы по привычке продолжаем называть «экономикой», сегодня уже никак не назовешь домостроительством. Экономику давно вытеснило то, что в том же греческом языке называется *хрематистикой* – искусством накапливать богатство. Термин «хрематистика» был введен в оборот еще *Аристотелем*. Этот древний философ показывал, что экономика и хрематистика – антиподы, и что хрематистика губительна для общества. По сути, она ведет к уничтожению «экономики», т. е. фактически она может быть названа «доморазрушением». Философ всячески предупреждал человечество об опасности, исходящей от хрематистики. Сегодня мы и в мире, и в России имеем не экономику, а хрематистику (спекуляции на товарных рынках, финансовые пирамиды, развитие рынка ценных бумаг и игра на фондовой бирже, ложные банкротства, рукотворные кризисы и т. п.).

Хрематистика – слово мудреное, поэтому ее можно заменить термином «экономика казино»[1]. В любом случае употребление слова «экономика» желательно с использованием кавычек для подчеркивания условности и некорректности этого термина в современных условиях.

Не менее абсурдным является другое слово в словосочетании «рыночная экономика». Современная «экономика» – царство монополий частных транснациональных корпораций и банков. Плюс государство как крупный (или крупнейший) хозяйствующий субъект-монополист. Там, где монополия, конкуренции нет, а где нет конкуренции – нет и рынка. Формально «независимые» компании малого и среднего бизнеса интегрированы в монопольные структуры и живут по правилам, которые диктуют гиганты бизнеса. Рынок – это, образно выражаясь, прошлогодний снег, которого на дворе XXI века давно уже не осталось. Таким образом, термин «рыночная экономика» (который стал ключевым в разных политических документах, учебниках и научных монографиях последних двух десятилетий) является идеологическим изобретением, рассчитанным не на шибко грамотных его «потре-

---

[1] Можно предложить также другие варианты, например «антиэкономика».

бителей»[2].

Но вернемся к нашим размышлениям о том, что собой представляет современное российское общество с социально-экономической точки зрения. Представляется, что для описания этого общества необходимы другие слова. Например, слово «*капитализм*». Однако в нашей стране это слово не употребляется часто. Представителями власти – никогда. Это и понятно: разве можно заставить людей идти за властью, если она будет призывать строить «светлое капиталистическое будущее»?

Отдельные оппозиционные политики иногда упоминают, что мы живем при капитализме. Однако произошедший переход от социализма к капитализму они представляют как смену одной модели экономики на другую, более эффективную. А критике подвергают не сам капитализм, а «отдельные недостатки» его экономического механизма (например, олигархическую структуру экономики, механизм выпуска денег, недостаточность или, наоборот, переизбыток государственного вмешательства в хозяйственные процессы и т. п.).

---

[2] Подробнее анализ термина «рыночная экономика» см.: Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». – М.: НИИ школьных технологий, 2011. С. 53–55, 60–62.

Между тем мы имеем дело с радикальной сменой всего устройства общества: не только экономики, но также политики, идеологии, морали. По большому счету речь идет о смене цивилизации, а не о какой-то экономической реформе. А глубокого осмысления этого разворота исторического развития России ни с научной, ни с духовной точки зрения до сих пор нет.

Устроители капитализма в России прекрасно понимают: те радикальные «реформы», которые были проведены в последние два десятилетия (достаточно вспомнить, что большая часть государственной собственности за этот период была приватизирована), нельзя считать необратимыми. И это их очень беспокоит. Они понимают, что гарантией необратимости «реформ» является перенастройка духовно-нравственного «кода» людей. А этот «код» у большинства людей до сих пор (несмотря на бешеные усилия устроителей капитализма) не перенастроен. Если использовать марксистскую фразеологию, то можно сказать: «экономическую надстройку» сменили довольно быстро (приватизация государственной собственности, ликвидация государственного регулирования экономики), а «духовно-нравственный базис» общества изменениям поддается с большим трудом – с этим «базисом» устроителям капитализма еще надо

возиться и возиться.

По большому счету вопрос о смене цивилизации должен быть осмыслен не только учеными, но и нашей Церковью. *Потому что «полная и окончательная» победа капитализма возможна лишь при полном уничтожении в народе христианских духовно-нравственных ценностей и замещении их мировоззрением не просто атеистическим* (*или агностическим*)*, а сугубо антихристианским.* Наша Церковь (имеется в виду, конечно, Церковь как земная организация), к сожалению, до сих пор несколько дистанцируется от осмысления процессов втягивания России в капитализм, ссылаясь на то, что вопрос этот «специальный», относящийся к одной из сфер светской материальной жизни (экономика). Нет, это вопрос не частный и не «специальный» – это вопрос жизни и смерти (в первую очередь духовной) всех членов самой Церкви! Не без основания также говорится, что мы устали от всяких измов, что следует смотреть глубже, а не довольствоваться примитивными схемами и шаблонами. С этим нельзя не согласиться. Действительно, «за вывеской капитализма» скрывается определенная модель не только и не столько экономической жизни, сколько духовного устройства общества. Модель, имеющая явные признаки религии и церковной организации. И здесь, как мне кажется,

многое еще надо осмыслить. А осмыслив, попытаться внести существенные коррективы в свою жизнь, поставив жесткие заслоны проникновению этой невидимой религии в душу.

Кратко сформулирую следующие основные идеи (тезисы) данной книги. **Современный капитализм представляет собой, прежде всего, не экономическое, а духовное явление. Он имеет все признаки религии, его отличие от других традиционных религий заключается в том, что это де-факто существующая религия, официально не объявляющая о своем существовании. Эта нелегально (точнее сказать, незримо) существующая религия по своим основным установкам диаметрально противоположна христианству. Ее можно назвать «религией денег». Такое широкое понимание современного капитализма является условием эффективного соборного противостояния нашей Церкви нашествию религии денег. Это и условие личного спасения каждого члена Церкви. Наконец, это условие предотвращения окончательного превращения России в отсталую периферию мирового капитализма. Спасение России, Третьего Рима, – важная задача, ибо на нее Бог возложил особую миссию в земной истории.**

Часть I
Капитализм – не только экономика

Производство прибавочной стоимости или нажива – таков абсолютный закон этого способа производства.
К. Маркс, Капитал, т. I

Три источника и три составные части капитализма: деньги, деньги и деньги.
Неизвестный автор

Капитализм – рабовладельческий строй с «человеческим лицом».
Неизвестный автор

Капитализм – азартная игра на деньги.
Неизвестный автор

Глава 1
Что такое капитализм?

Капитализм: история понятия

Напомним, что слово «капитализм» было введено в обращение не так давно – в XIX веке. Оксфордский словарь утверждает, что впервые слово «капитализм» использовал английский романист *Уильям Теккерей* в 1854 году. Считается, что по-настоящему популярным слово стало в 1867 году после выхода в свет первого тома «Капитала» *Карла Маркса.* Однако, как ни парадоксально, Маркс, у которого «капитал» и «капиталист» были ключевыми категориями его исследования, крайне редко использовал слово «капитализм». Вместо него он прибегал к терминам «буржуазный строй», «буржуазное общество», «буржуазный способ производства», «капиталистический способ производства» и т. п. По мнению французского историка экономики *Ф. Броделя,* впервые слово «капитализм» для обозначения определенного типа экономики употребил французский социалист *Луи Блан* в 1850 году, примерно в то же время этим словом стал пользоваться другой французский социалист –

П. Ж. Прудон. Однако это были единичные случаи использования слова. Тот же Бродель полагает, что слово «капитализм» стало по-настоящему популярным после выхода в 1902 году книги немецкого экономиста и социолога *Вернера Зомбарта* под названием «Современный капитализм»[3]. У нас есть сомнения в верности данного заключения маститого французского ученого. По нашим данным, российские марксисты уже в конце XIX века активно использовали слово «капитализм» в своей партийно-политической деятельности. Достаточно в качестве примера привести выпущенную *В. И. Лениным* (под псевдонимом Владимир Ильин) в 1899 году книгу под названием «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности»[4]. А в следующем году вышла книга «легального марксиста» С. Булгакова «Капитализм и земледелие»[5].

---

[3] Данная работа была в прошлом веке издана на русском языке: В. Зомбарт. Современный капитализм. Т. 1–2. М., 1903–1905. Т. 3. М. – Л., 1930.

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3.

[5] Примечательно, что в дальнейшем, когда Булгаков С. отошел от марксизма, он почти перестал употреблять слово «капитализм» в своих работах. Например, в его известной книге «Философия хозяйства» данное слово встречается лишь три-четыре раза.

ИЗДАНІЕ М. И. ВОДОВОЗОВОЙ.

Владиміръ Ильинъ.

РАЗВИТІЕ КАПИТАЛИЗМА ВЪ РОССІИ.

Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности.

Цѣна 2 р. 50 к.

Обложка первого издания

«Развитие капитализма в России»

Более или менее широко и активно слово «капитализм» в политической и научной литературе на Западе использовалось всего несколько десятилетий. В СССР термин активно эксплуатировался на протяжении всех десятилетий существования советской власти – как в научных, так и пропагандистских целях. Несколько поколений советских людей изучали в вузах в качестве обязательной дисциплины «Политическую экономию капитализма». Советские обществоведы «по полочкам» и «косточкам» разложили весь капитализм. Все формулировки и определения, относящиеся к категориям капитализма, были с ювелирной точностью выверены, и никакие «импровизации» и «творчества» в области политической экономии капитализма не приветствовались. Строгость была не меньшая, чем в догматическом богословии. Приведем утвердившееся в СССР определение капитализма из Большой советской энциклопедии: *«Капитализм – общественно-экономическая формация, основанная на частной собственности*

на средства производства и эксплуатации наемного труда капиталом; сменяет феодализм, предшествует социализму – первой фазе коммунизма. Основные признаки К.: господство товарно-денежных отношений и частной собственности на средства производства, наличие развитого общественного разделения труда, рост обобществления производства, превращение рабочей силы в товар, эксплуатация наемных рабочих капиталистами. Целью капиталистического производства является присвоение создаваемой трудом наемных рабочих прибавочной стоимости»[6].

Мы еще будем анализировать с разных сторон капитализм, поэтому воздержимся сейчас от детального комментирования и анализа данного определения. В целом с ним (с некоторыми оговорками[7]) можно согласиться. Отметим лишь, что в указанном несколько пространном определении вся суть капитализма заключена в следующих взаимосвязанных моментах:

а) отчуждение свободного работника от средств производства (земля, орудия производства, сырье);

---

[6] Большая советская энциклопедия, статья «Капитализм».

[7] Одна из таких оговорок касается тезиса, что капитализм «сменяет феодализм». С таким тезисом мы не можем согласиться: капитализм, как мы покажем немного ниже, существовал еще в древнем мире, т. е. задолго до того, что в приведенном определении называется «феодализмом».

б) превращение свободного работника в наемного работника;

в) эксплуатация наемного работника капиталистом-работодателем, присвоившим средства производства;

г) получение капиталистом в результате эксплуатации прибавочной стоимости.

Пожалуй, к перечисленным выше моментам следует добавить еще один, пятый момент (из приведенного выше определения): *«наличие развитого общественного разделения труда».* Выражаясь современным языком, речь идет *о высокой степени развития рыночных отношений.* Поэтому капитализм часто и называют «рыночной экономикой».

Рынок и торговля существовали всегда, даже в самых древних обществах. Но в условиях так называемого «традиционного» хозяйства (преимущественно натурального хозяйства) рыночные отношения играли минимальную роль в жизни общества и человека. Лишь при капитализме основную часть жизненно необходимых предметов человек стал приобретать в результате рыночных обменов. Без рынка капитализм невозможен, поскольку капиталист стремится получить прибавочную стоимость не в натурально-вещественной форме, а в виде денег. А это возможно лишь через реализацию произведенного продукта труда на

рынке. Итак, за короткий срок после старта капитализма кардинальным образом изменились экономические отношения в обществе:

– в «традиционном» обществе они были сконцентрированы в «малом социуме» (семья, община, поселение и т. п.) и строились преимущественно на безденежной основе; рыночные отношения («большой социум») с использованием денег играли вспомогательную роль в жизни обычного человека;

– при капитализме экономические отношения переместились в «большой социум» – рынок (региональный, национальный, международный) – и стали строиться исключительно на денежной основе; «малый социум» стал играть вспомогательную роль[8].

Обратим внимание на то, что в приведенном выше определении из БСЭ капитализм рассматривается исключительно как социально-экономическое явление, причем многие тонкие моменты в приведенной грубой схеме не видны. Акцент делается на эксплуатации и социальной несправедливости. Но не уделяется, на-

---

[8] Этот процесс стремительного перехода общества к рыночным отношениям хорошо показан в работе: Карл Поланьи. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002. Карл Поланьи (1886–1964) – американский экономист, социолог и антрополог венгерского происхождения. По степени научного авторитета на Западе его можно поставить в один ряд с такими фигурами, как Зомбарт В. и Вебер М, о которых мы будем говорить ниже.

пример, внимание *проблеме отчуждения* труда и работника при капитализме. Она вытекает из того, что продукт труда принадлежит капиталисту-работодателю, а не работнику. Отсюда и отсутствие мотивации к творческому труду, что делает капитализм крайне неэффективным даже с экономической точки зрения. Кстати, это противоречит популярным мнениям о том, что, хотя капитализм «социально несправедлив», он тем не менее демонстрирует высокую экономическую эффективность. Вот что писал один из наиболее глубоких знатоков капитализма *А. Г. Махоткин* об этой особенности наемного труда: «Но главное зло и бесчеловечность капиталистического распределения состоит даже не в его несправедливости, а в отчуждении. Считается, что если работнику не принадлежит ни сырье, которое он обрабатывает, ни орудие его труда, то ему изначально не принадлежит ни продукт труда, ни сам его труд, воплотившийся в этом продукте. Пока с этим соглашаются все, в том числе и сам работник, его труд – *это не его, чужой для него труд.* Отчужденный от него в пользу нанимателя. Он и относится к нему, как к чужому. Поэтому наемного работника к труду надо принуждать – постоянным контролем, штрафами, угрозой увольнения. Наемный труд принудителен и не может быть иным. Работник в его результате не заинтересован, поэтому его надо искусствен-

но заинтересовывать… премиями… и т. п. стимулами, заранее вычтя их из основной суммы заработной платы. Кстати, стимулом в Древней Греции называли заостренную палку, которой погоняли быков»[9].

Вопросы, связанные с этикой и духовно-религиозной стороной капитализма, тем более не рассматривались в марксизме как существенные. Старшее поколение помнит чеканную формулу марксистско-ленинской философии: *«Бытие определяет сознание человека».* Вульгарно-материалистическое мировоззрение, исходившее из примата экономики над политикой, идеологией, духовной жизнью общества, препятствовало формированию в советском обществе целостного представления о капитализме.

Уже к середине XX века у общества, именовавшегося «капиталистическим», выявилась масса «болезней», капиталистический строй успел продемонстрировать свою социально-экономическую несостоятельность (мировые войны, жесточайший экономический кризис 1929–1933 годов, другие экономические и социальные проблемы). Особенно ярко недостатки капитализма высвечивались на фоне Советского Союза, который неуклонно укреплял свои экономические и политические позиции в мире. Слово «ка-

---

[9] Махоткин А. Г. Анатомия капитализма. Советская альтернатива. // Интернет.

питализм» приобрело устойчиво негативный оттенок. С учетом этого идеологи и политики западных стран пришли к выводу, что подмочившему свою репутацию «капитализму» следует дать новое имя.

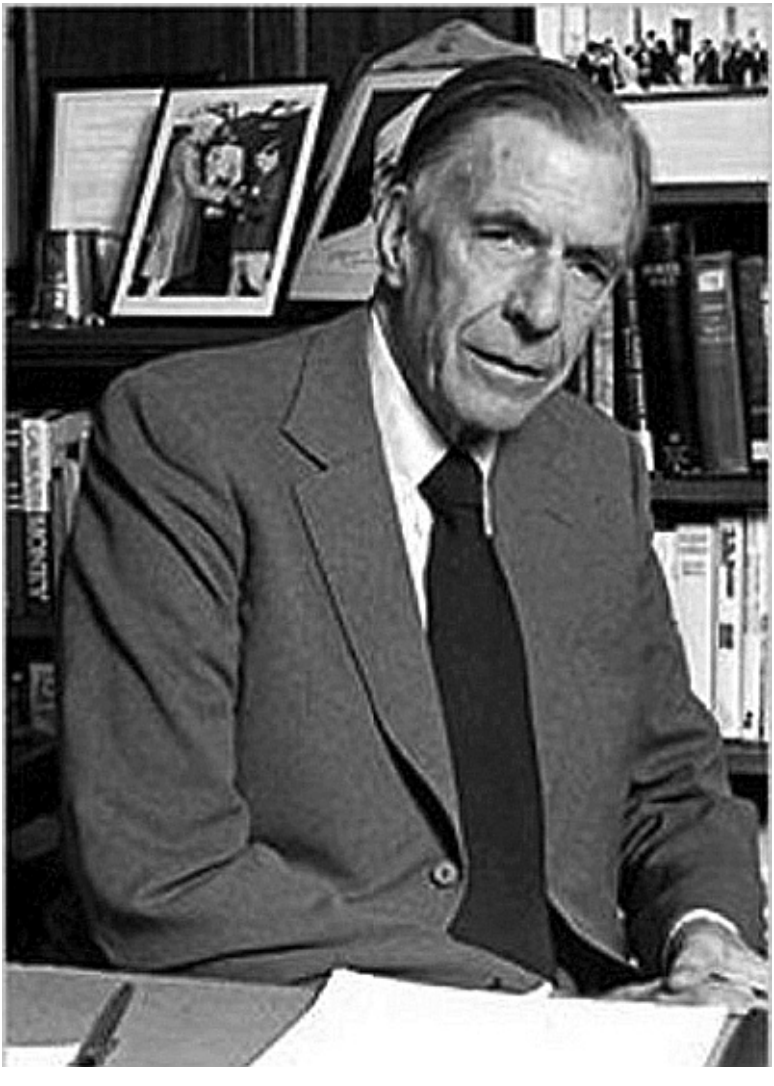
Несмотря на титанические усилия «экономической науки», доказывать «прогрессивность» капитализма стало сложно: эта общественно-экономическая формация достаточно себя дискредитировала. Процесс дискредитации достиг своего апогея в период затяжной депрессии 1930-х годов. Об этом достаточно откровенно на излете своей длинной жизни написал *Джон Кеннет Гэлбрейт* (1908–2006 гг.), американский экономист, который, между прочим, большую часть своей жизни выступал последовательным апологетом этого самого капитализма.

В своей последней книге *«Экономика невинного обмана: правда нашего времени»* он констатирует: «Слово „капитализм“ по-прежнему употребляют лишь наиболее радикальные и откровенные защитники капиталистической системы, да и то не часто»[10]. В послевоенное время в марксистской литературе появился даже термин *«общий кризис капитализма».* Официально понятие «общего кризиса капитализма» было введено в обращение на XXII Съезде КПСС, оно

---

[10] Гэлбрейт Дж. К. Экономика невинного обмана: правда нашего времени. – М.: «Европа», 2009. С. 20.

вошло в третью программу партии.



Что понималось под «общим кризисом капитализма»? Третья программа КПСС перечисляет следующие признаки:

– отпадение от капитализма все новых стран;

– ослабление позиций империализма в экономическом соревновании с социализмом (в 1950-1960-е годы темпы роста советской экономики значительно превышали темпы роста ведущих капиталистических стран, хотя к 80-м годам ситуация изменилась);

– распад колониальной системы империализма (советские идеологи надеялись, что освободившиеся государства пойдут если и не по пути социализма, то, по крайней мере, по «некапиталистическому пути»);

– обострение противоречий империализма с развитием государственно-монополистического капитализма и ростом милитаризма;

– усиление внутренней неустойчивости и загнивания капиталистической экономики, проявляющееся в растущей неспособности капитализма использовать полностью производительные силы (низкие темпы роста производства, периодические кризисы, постоян-

ная недогрузка производственных мощностей, хроническая безработица);

– нарастание борьбы между трудом и капиталом;

– резкое обострение противоречий мирового капиталистического хозяйства;

– небывалое усиление политической реакции по всем линиям, отказ от буржуазных свобод и установление в ряде стран фашистских, тиранических режимов;

– глубокий кризис буржуазной политики и идеологии.

В программе КПСС отмечалось, что «общий кризис капитализма» начался в результате Первой мировой войны и образования первого социалистического государства – Советского Союза (первый этап). Второй этап начался после Второй мировой войны и образования социалистического лагеря. Наконец, с конца 1950-х – начала 1960-х годов, «общий кризис капитализма» перешел в следующую стадию (третий этап), связанную с окончательным крахом колониальной системы и переходом ряда развивающихся стран на путь некапиталистического развития.

Мы не будем подробно комментировать перечисленные выше признаки «общего кризиса капитализма». Отметим лишь, что в целом программа партии вполне объективно отражала ситуацию, которая

сложилась в начале 1960-х годов в капиталистических странах и в мире в целом. Достаточно сказать, что понятие «общий кризис капитализма» стали использовать в некоторых случаях даже немарксистские авторы. Еще следует отметить, что марксизм как вульгарно-материалистическое мировоззрение отражал лишь экономическую и политическую стороны капитализма на тот момент времени, не затрагивая его духовную сторону. А именно духовная сторона – фундамент («базис») капитализма, и именно в духовной сфере кризис капитализма проявлялся наиболее остро.

«Рыночная экономика» – новый бренд капитализма

«Профессиональные экономисты» (и прочие работники «идеологического фронта») стали активно подыскивать синонимы «неприличному» слову «капитализм». На смену ему стали приходить различные словосочетания; сегодня «естественный отбор» выдержали термины *«рыночная система», «рыночная экономика», «рыночное хозяйство»* и т. п. Вот как описывает этот процесс «научных» поисков Дж. Гэлбрейт: «Были начаты поиски неопасной альтернативы термину „капитализм“. В США предприняли попыт-

ку использовать словосочетание „свободное предпринимательство“ – оно не прижилось. Свобода, подразумевавшая принятие свободных решений предпринимателями, не являлась убедительной. В Европе появилось словосочетание „социал-демократия“ – смесь капитализма и социализма, сдобренная состраданием. Однако в США слово „социализм“ вызывало в прошлом неприятие (да и в настоящем это неприятие осталось). В последующие годы стали использовать словосочетание „новый курс“, но все же его слишком отождествляли с Франклином Делано Рузвельтом и его сторонниками. В итоге в научном мире прижилось выражение „рыночная система“, так как оно не имело негативной истории – впрочем, у него вообще не было истории. Вряд ли можно было отыскать термин, более лишенный всякого смысла…»[11].

С самого начала «реформ» в нашей стране термины «рыночная система», «рыночная экономика» оказались самыми употребительными. Ведь «вдохновить» бывших советских людей на строительство «светлого капиталистического будущего» по целому ряду причин (надеюсь, понятным читателю) было сложно или даже невозможно. К слову «капитализм» в наших условиях «неполиткорректные» граж-

---

[11] Гэлбрейт Дж. К. Экономика невинного обмана: правда нашего времени. – М.: «Европа», 2009. С. 22–23.

дане начнут добавлять всякие «нехорошие» определения типа «криминальный», «бандитский», «компрадорский», «колониальный» и т. п.

Идеологи российских «реформ» с самого начала наложили «табу» на употребление слова «капитализм». Для «нейро-лингвистического программирования» сознания (проще говоря, зомбирования) наших людей стали использоваться благозвучные термины «рынок», «рыночная экономика», «рыночная система». В современных учебниках по экономике вы можете вообще не обнаружить слова «капитализм», зато термин «рыночная экономика» встречается на каждой странице, иногда несколько раз. При этом смысл термина толком не объясняется.

Между тем термин «рыночная экономика» не менее абсурден, чем «капиталистическая экономика», и в этом трудно не согласиться с Дж. Гэлбрейтом. О том, что сегодня мы имеем не экономику, а антиэкономику, мы уже сказали выше. Но никаких признаков «рынка» мы также не наблюдаем ни в «самой рыночной» стране мира – США, ни у себя дома. Важнейшим признаком рынка, как нам объясняют учебники по «экономике», является конкуренция, которая обеспечивает «автоматическое» («стихийное») формирование цен. Последние являются «равновесными», «справедливыми» и т. п. При рыночных отноше-

ниях продавцы и покупатели имеют свободу (и возможность) выбора контрагентов, право прямого общения между собой и т. п. и т. д. Не хочу утомлять читателя пересказом учебников по «экономике», а задам вопрос: «Где вы видели такой рынок?».

Отвечу: такого рынка давно уже нет нигде в мире. Может быть, он был во времена Адама Смита, а может быть, даже до него. Рынок (также, как и экономика) давно «умер». Главная причина его «смерти» в том, что *в «экономике» наступило господство монополий* (*трестов, концернов, синдикатов, картелей*), *которые стали диктовать свои условия другим участникам «рынка».* О монополиях и «смерти» рынка можно прочесть в уже упоминавшейся книге Дж. Гэлбрейта. Поэтому слово «рынок» для описания современного общества также следует использовать только в кавычках. Добавим, что «смерть» «рынка» наступила также потому, что сегодня участники «рынка» давно уже утратили возможность свободного общения между собой. Между ними образовались мощные «кордоны» разных посредников, в том числе «финансовых посредников» в лице банкиров. Сегодня они не только «посредники», но также монополисты, причем самые главные. Почему? Потому что «производят» самый дефицитный в «рыночной экономике» «товар» – деньги.

Вообще, на роль термина, который может более или менее точно отразить сущность современного западного общества, претендует целый ряд слов и словосочетаний. Вполне вероятно, что они лишь дополняют друг друга, раскрывая ту или иную сторону общественного устройства.

Вот, например, американский общественный деятель *Линдон Ларуш* (достаточно известная в США фигура – несколько раз баллотировался на пост президента страны) полагает, что наиболее точно современное общество (западное, но особенно американское) можно охарактеризовать словом *«фашизм».* На первый взгляд, это кажется слишком неожиданным, резким и, может быть, несправедливым. Но вот как называл фашизм *Бенито Муссолини* в 1920-е годы (этот термин появился не в Германии, а в Италии): «Фашизм следовало бы более правильно называть корпоратизмом, поскольку это слияние государства и корпоративной власти». В 20-30-е годы прошлого столетия термины *«фашизм»* и *«корпоратизм»* часто использовались в качестве взаимозаменяемых понятий в ходе общественных дискуссий.

В послевоенной марксистской экономической литературе стал широко использоваться термин *«государственно-монополистический капитализм»* (ГМК). Это еще один термин, который отражает тот же самый тип общества, называемый «фашизмом» или «корпоратизмом». Современное западное (особенно американское) общество можно охарактеризовать любым из вышеназванных терминов. Основные признаки этого общества:

– сращивание государства и крупнейших корпораций (монополий);

– перераспределение общественного богатства в пользу очень узкой группы людей (мировых ростовщиков);

– осуществление насилия верхушки над подавляющей частью населения, причем насилие исходит как от государства, так и от корпораций (юридические законы перестают действовать, репрессивный аппарат получает гипертрофированное развитие, всеобщая слежка за населением становится нормой, усиливаются духовное насилие и прямое «зомбирование»

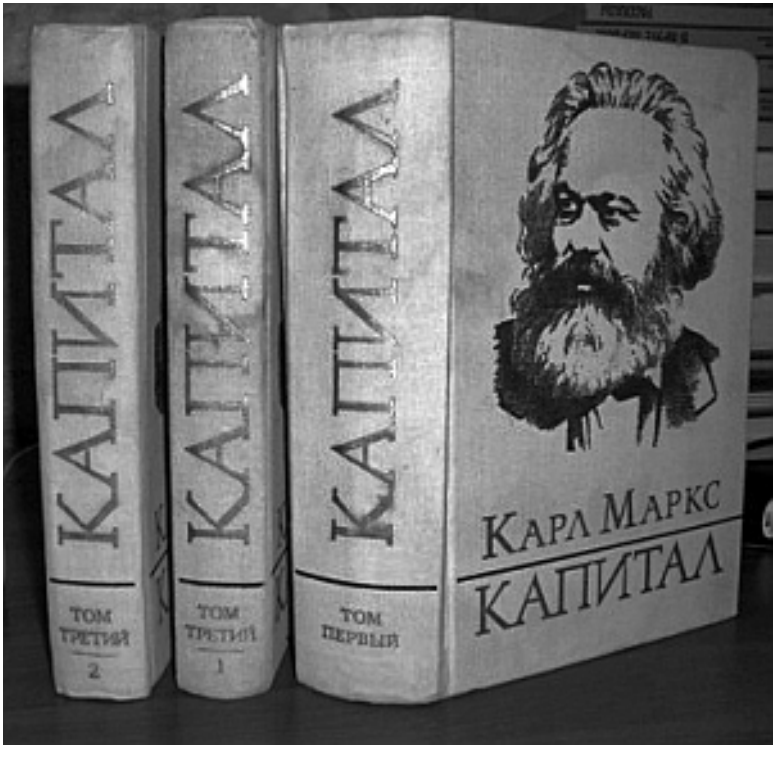
людей и т. п.).

Таким образом, американское общество – фашистское, но верхушка США не хочет в этом признаваться. Например, в 2003 году президент США *Джордж Буш-младший* в одной из своих речей назвал три основных «зла XX века»: гитлеризм, коммунизм, милитаризм. Он использовал слово «гитлеризм» и избежал слова «фашизм», поскольку иначе ему пришлось бы признать, что США – крупнейшая в истории человечества *«империя зла».*

Тему «филологии» мы подняли в связи с тем, что современный человек живет в «королевстве кривых зеркал». Понять, как устроены современная «экономика» и «рынок», что такое «деньги» и «банки», каковы причины экономических, финансовых и банковских кризисов, сегодня крайне сложно. Для этого надо оторваться от «букварей» и «катехизисов», которые писали «профессиональные экономисты» под диктовку экспертов из Международного валютного фонда по заказу тех, кто правит в этом «королевстве». А правят в этом королевстве ростовщики. Те самые ростовщики, о которых писал еще Аристотель (раскрывая сущность хрематистики) и прихода которых к власти он так боялся.

Критика материалистического взгляда на общество и историю

Большинство из нас, живущих в начале XXI века, до сих пор воспринимает всемирную историю через призму марксистской схемы *общественно-экономических формаций* (*ОЭФ*).



«Капитал» Карла Маркса

У нас марксизм уже лет двадцать как официально низвергнут со своего пьедестала. Но идеи Маркса продолжают жить. Во время последнего экономи-

ческого и финансового кризиса неожиданно начался «ренессанс» марксизма, что проявилось в увеличении числа публикаций по экономическому учению К. Маркса, появлении толстенных томов «Капитала» и других произведений Маркса на полках книжных магазинов, росте интереса студентов к теориям Маркса. Безусловно, марксизм – существенно более «тонкое» в интеллектуальном смысле учение, чем разные примитивные идеологемы неолиберализма, монетаризма и «прогресса» которые обрушивались на наши головы в течение двух десятилетий, и которые, как нам кажется, не смогли прочно укорениться в общественном сознании нашего народа. Мы в данной работе уделяем повышенное внимание марксизму как мировоззрению, которое глубоко засело в подсознании старшего и среднего поколений. К тому же в нашей истории уже были времена, когда значительная часть нашего образованного общества подпадала под гипнотическое очарование марксизма (конец XIX – начало XX века), что в конечном счете привело к трагедии 1917 года.

Мы вынуждены напомнить читателю некоторые азы марксизма, для того чтобы продолжить наш разговор. Упомянутая нами ОЭФ – совокупность «экономического базиса» и «надстройки». «Экономический базис» – система экономических отношений между

людьми по поводу производства, обмена, обращения и потребления продукта трудовой деятельности. «Надстройка» – система отношений (и норм отношений) между людьми в сфере культуры, политики, права, идеологии и религии. «Базис» в этой конструкции первичен, «надстройка» – вторична и зависит от существующих в обществе экономических отношений. Согласно этой схеме история человечества представляет собой последовательную смену общественно-экономических формаций: первобытно-общинного, рабовладельческого, феодального, капиталистического и коммунистического строя. «Двигателем» исторического процесса выступает «развитие производительных сил», которое сначала ведет к изменению «экономического базиса», а затем «надстройки» и всей формации.

Маркс занимал позицию воинствующего материалиста и потратил немало сил, времени и бумаги для нападок на религию, для того чтобы скинуть с нее покров «таинственности». Мысль его предельно проста: религия – «продукт» производственных отношений или даже «продолжение», «форма» производства. Вот пример его рассуждений на тему «производство и религия»: «Религия, семья, государство, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему зако-

ну»[12]. В других работах он в разных вариантах повторяет один тезис: «не религия создает человека, а человек создает религию»[13].

Как известно, *К. Маркс* мало что придумывал нового. Он был прекрасным компилятором, заимствуя идеи у своих предшественников и современников. Об этих компиляторских способностях классика марксизма прекрасно свидетельствует его ревнивый последователь В. И. Ленин в своей известной статье «Три источника и три составные части марксизма»[14]. Вот и учение об ОЭФ у Маркса также «заимствованное». Принадлежит оно французскому социалисту-утописту *Сен-Симону* (1760–1825). Марксу идея французского социалиста о формациях понравилась, так как «работала» на его идеи о «прогрессивности» капитализма по сравнению с эпохой «мрачного» феодализма и о «неизбежности» победы коммунизма[15]. Вот

---

[12] *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Т. 42. С. 117.

[13] *Маркс К.* К критике гегелевской философии права // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Т. 1. С. 252.

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23.

[15] Свое учение об общественно-экономической формации Маркс изложил в следующих своих произведениях: «Нищета философии» (Собр. соч. 2-е изд-е. Т. 4); «Предисловие „К критике политической экономии“» (Т. 13); «Капитал», тт. 1–3 (Тома 23–25); «Экономические рукописи 1857–1859 гг.» (Т. 46, Ч. 1–2).

что пишет об этом «заимствовании» наш современный русский философ *Ю. Бородай:* «При внимательном рассмотрении вопроса обнаруживается, что историческая последовательность формаций – это запущенная в оборот Сен-Симоном кабинетная схема поступательного прогресса от рабского, крепостного, наемного – к свободному социалистическому труду. Эту схему в партийно-пропагандистских (но не исследовательских!) целях использовал и Маркс, и особенно Энгельс»[16].

Сегодня обнаруживается все больше материалов, появляется все больше исследований, из которых следует, что Маркс сам не особенно верил в схему истории, базирующуюся на «железной» последовательности смены общественно-экономической формации. В частности, Маркс постоянно внушал русским народникам и социалистам, что Россия неизбежно должна пройти через «горнило» капитализма, что прямой путь к социализму для нее заказан. Вместе с тем из архивных материалов становится понятно, что Маркс считал возможным развитие России по некапиталистическому пути на основе ее сельской общины[17]. Од-

---

[16] *Бородай Ю.* Третий путь. Наш современник, № 9. 1991.

[17] См., в частности: Маркс К. Наброски ответов В. И. Засулич // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Т. 19. С. 400–421; Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр.

нако Маркс как политически ангажированный писатель и «ученый» не мог об этом говорить вслух. Ему надо было любыми правдами и неправдами втянуть Россию в лоно капитализма.

Описание исторического процесса как смены общественно-экономических формаций – слишком большая абстракция, упрощение и откровенное искажение.

Во-первых, марксизм не может внятно объяснить, каким образом *«развитие производительных сил»* оказывается «главным фактором» общественного развития. У марксистов иррациональное, почти религиозное восприятие «производительных сил», которые они наделяют какой-то мистической внутренней силой. Что-то напоминающее фетишизм или древнее язычество. Согласно такому «научному» мистицизму приход в мир и в нашу страну капитализма – это результат действия «объективных законов», запрятанных в «черном ящике» под названием «производительные силы».

соч. 2-е изд. Т. 19. С. 116–121. См. также: Кара-Мурза С. Г. Карл Маркс против русской революции. – М.: Алгоритм, 2008.

О. Сергий Булгаков

Бывший «легальный марксист» *С. Булгаков,* переболев марксизмом с его вульгарным материализмом, принялся искать более глубокие и мистические «пружины», которые двигают общество и хозяйство. В своей работе *«Философия хозяйства»* и последующих произведениях в качестве такого первоисточника развития он определил некую таинственную Софию и пытался обосновать эту метафизическую категорию с позиций православия.

Вместо этого родилась ересь *софианства.* София Сергия Булгакова – «нечто», не принадлежащее ни тварному миру, ни Богу. Конструирование софианской ереси для объяснения причин и целей мирового исторического процесса – лишь один из примеров того, как критики марксизма предлагают «преодолеть» чисто материалистическое понимание истории. Происходит замена одной ереси другой. Потому что ее авторы ищут ответы за пределами христианского мировоззрения[18].

---

[18] Подробнее см.: Катасонов В. Ю. Философия хозяйства. К 100-летию выхода в свет работы о. Сергия Булгакова // Русская народная линия, 02.08.2012.

Во-вторых, те же самые «производительные силы» у классика марксизма оказываются главным критерием *«прогресса» общества.* По мнению Маркса, капитализм с его промышленной революцией является шагом вперед в развитии производительных сил и, следовательно, более прогрессивен по сравнению с феодализмом. Мы привыкли рассматривать Маркса как непримиримого критика капитализма. Но вот что удивительно: Маркс оценивает капитализм как «прогрессивный» строй по отношению к феодализму и приписывает ему исключительно важную *«цивилизирующую» миссию:* «В простом понятии капитала должны содержаться его цивилизирующие тенденции»[19]. «Цивилизирующее» значение капитализма *К. Маркс* видел, в частности, в том, что при этом строе капитал приучит человека трудиться на другого человека без какого-либо внешнего принуждения. Тогда, в первой половине XIX века, это было удивительно слышать, ибо капиталистическая эксплуатация даже в самой «передовой» капиталистической стране – Англии – зиждилась на жестокости и насилии. А Маркс прозорливо писал: «Историческое назначение капитализма будет выполнено тогда, когда… всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за

[19] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 302.

другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения»[20]. Маркс признает в «Капитале», что повсеместно в Европе, Америке, Азии капитализм на первых порах – это «цивилизованный ужас чрезмерного труда»[21]. Далее он пишет: «капитал, будучи правильно понят, выступает как условие развития производительных сил до тех пор, пока последние нуждаются во внешнем пришпоривании», а чуть ниже вновь проявляет уверенность в том, что в какой-то момент времени такое «пришпоривание» (принуждение к труду) будет излишним: «дисциплинирование… на известной ступени… становится излишним»[22]. Надо отдать должное прозорливости Маркса: сегодня в странах Запада мы видим достаточно доказательств «всеобщего трудолюбия» на капиталистических предприятиях. О причинах такого «трудолюбия» и «сознательности» наемных работников мы будем говорить ниже[23].

В качестве другого важного проявления «цивилизирующего» влияния капитализма Маркс рассматри-

---

[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 280.

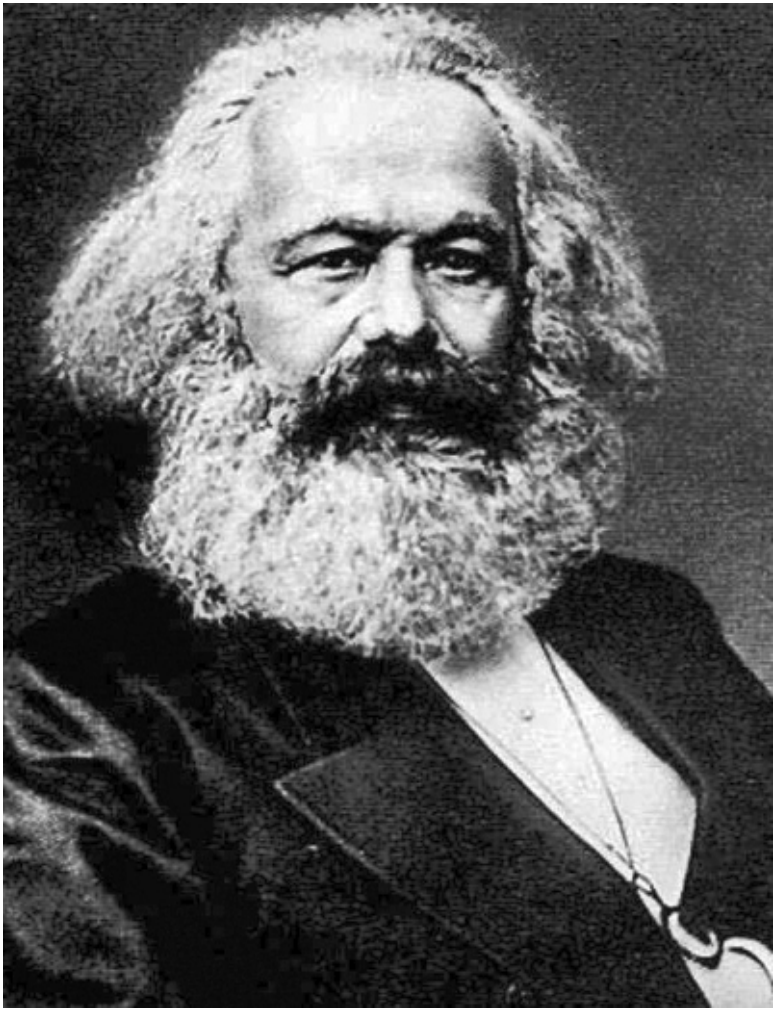
[21] Там же, Т. 23. С. 247.

[22] Там же, Т. 23. С. 393.

[23] Конечно, еще далеко до идеала, т. к. периодически все-таки возникают забастовки и протесты. Но в основном это случается в моменты кризисов.

вал освобождение общества от «предрассудков религии». Сам Маркс, как известно, будучи потомком раввинов и крещеным (лютеранином), уже в молодости стал испытывать отвращение (граничащее с сатанизмом) к христианству, а в зрелом возрасте занял «научно обоснованную» богоборческую позицию. Никто не оспаривает, что Маркс – вульгарный материалист и воинствующий атеист.

Вот и мы сегодня в качестве эталона «цивилизации» часто рассматриваем страны «победившего капитализма». Но не очень-то укладываются в наше понимание «цивилизованности» те картины капиталистической эксплуатации и капиталистического разбоя, которые рисует Маркс в своем «Капитале» (в основном на примере Англии). Да и в сегодняшние дни капитализм – это не только Швейцария или Люксембург, но также Бразилия, Нигерия, Пакистан и многие другие страны третьего мира, которые стали частью мировой капиталистической системы. А ведь там каждый день от голода умирают десятки тысяч людей.



Да и с «цивилизованным» Западом не все понятно: там уже в течение нескольких десятилетий идет активный процесс деиндустриализации. Нужно иметь очень извращенную фантазию и не меньшую научную недобросовестность, чтобы назвать страны Запада «образцом» развития производительных сил. Даже если смотреть на мир глазами материалиста, возникает сильное сомнение в том, что последовательная смена общественно-экономических формаций по схеме Маркса есть действительный «прогресс человечества».

В-третьих, никаких «чистых» формаций в истории не было и нет. В любом обществе в любой момент времени можно видеть *сосуществование элементов многих форм экономических отношений* (*«способов производства»*). Считается, что XIX век – это эпоха «классического капитализма». Но в это время в колониях таких «капиталистических» стран, как Великобритания, Франция, Голландия, Бельгия, Португалия, число настоящих (без кавычек) рабов было на порядок больше, чем число занятых во всех отраслях эко-

номики метрополий. Да что там рабы колоний! В Соединенных Штатах Америки до 60-х гг. XIX века рабов было больше, чем наемных работников. Ю. Бородай пишет: «В первой половине просвещенного XIX столетия (до 1864 года) в буржуазных США рабов было больше, чем в Древнем Египте, Древней Греции и Римской империи вместе взятых»[24]. Сегодня на дворе «просвещенное» XXI столетие. Но в нынешней Африке, которая интегрирована в мировое капиталистическое хозяйство, можно встретить почти полностью легализованное рабство, причем наметилась тенденция к увеличению его масштабов и полному выходу из «подполья».

Никто не ставит под сомнение, что мы сегодня живем при капитализме (наша власть, правда, не любят слово «капитализм», заменяя его совершенно бессмысленным словосочетанием «рыночная экономика»). Но в то же время никто не может оспорить очевидный факт: в пределах нашей страны, особенно на Северном Кавказе, существует самое настоящее рабовладение (правда, в отличие от Африки пока нелегально)[25].

И в то же время в древнем мире, прежде всего в

---

[24] *Бород ай Ю.* Третий путь// Наш современник. № 9, 1991.

[25] *Басов С. Л.* О современном рабстве в России // Интернет-журнал «Самиздат».

Древнем Риме наряду с рабовладением (частное, а иногда государственное право собственности на людей, работников) существовал капитализм, образуя причудливые сочетания того и другого. На это обращали внимание многие исследователи, о существовании которых нам было не положено знать в эпоху торжества марксизма (хотя сами классики марксизма вскользь об этом говорили).

Чтобы получить реальное представление о мировой истории, векторе развития человечества, устройстве общества, нам придется отойти от привычных представлений, базирующихся на марксистском материалистическом учении об общественно-экономической формации. Для этого нам надо эту самую формацию поставить с головы на ноги. Тогда мы получим модель общества, которую условно можно назвать «общественно-духовной формацией». Эта модель также состоит из двух элементов – базиса и надстройки. Только в качестве базиса общества выступает *духовное состояние общества,* а надстройки – *все общественные отношения: экономические, политические, правовые, а также культура, государство и иные общественные институты.* Понятие «общественно-духовная формация» – синоним более распространенного сегодня понятия «цивилизация».

Н. Я. Данилевский

Основы учения о цивилизации заложил наш русский ученый *Н. Я. Данилевский* (1822–1885), автор известной книги «Россия и Европа». У Данилевского еще не было термина «цивилизация», он использовал термин «культурно-исторический тип». Через несколько десятков лет после Данилевского работы по истории человечества как процессу смены одних цивилизаций другими появились за рубежом (*Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер*). Духовное состояние общества – это, прежде всего, религиозное сознание общества, его отдельных членов. Это «базовые», «первичные» нормы, определяющие поведение членов общества, их отношение к Богу, другим членам общества, природе. Эти нормы формируют систему ценностей, цели жизни отдельного человека и общества в целом, обусловливают выбор средств достижения этих целей и т. п. Хотя духовный мир является невидимым и нематериальным началом, нормы поведения, формируемые в этом мире, являются жесткой и очень устойчивой конструкцией, своеобразным фундаментом общества. Все, что надстраивается над

этим фундаментом, может быть видимым и даже материальным, но менее устойчивым, более изменчивым. Но когда ломается фундамент («духовный базис»), тем более обваливается вся «надстройка». Духовный базис существует в любом обществе – даже атеистическом.

И в этом случае люди «веруют»: они верят, что Бога как творца и промыслителя (управляющего своим творением) не существует. При этом они обязательно находят себе замену Бога в чем-то другом (веруют в материю, «прогресс», деньги, науку и т. п.; чаще всего такая вера является неосознанной); исходя из этого «верования» они формируют свое сознание и свое поведение.

Если мы отойдем от вышеописанной схемы описания общества как общественно-экономической формации, то увидим следующее: древний мир (особенно Древний Рим) и современное капиталистическое общество имеют много общего. В частности, для них характерно *сосуществование рабства и капитализма.* С цивилизационной точки зрения данный тип общества можно назвать *«денежной цивилизацией»*[26].

---

[26] Подробнее см.: Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». – М.: НИИ школьных технологий, 2011. Кн. 1 и 2. Близким к понятию «денежная цивилизация» является понятие «цивилизация каинова типа» (см. Забегайло О. Н. Духовное понимание истории. – М.: Сереб-

Подобное сочетание не является случайным. Если попытаться дать объяснение поразительному сходству общества Древнего Рима и современного капиталистического общества, то наш ответ будет очень коротким: **это два общества, представляющие одну и ту же общественно-духовную формацию (цивилизацию). Духовным базисом этой формации выступает язычество, имеющее тенденцию перерастать в свою «высшую» форму – сатанизм.** При таком взгляде на историю сразу рассыпается в пыль марксистское представление о «прогрессе», которое прочно въелось в сознание современного человека. Приходит понимание того, что человечество, выражаясь словами *апостола Петра,* как «пес возвращается на блевотину свою», и как «вымытая свинья идет валяться в грязи»[27]. Иначе говоря, человечество опять оказывается у опасной черты, за которой гибель – и духовная, и физическая.

Нами недавно была сделана первая попытка осмыслить с позиций православного мировоззрения некоторые вопросы современного капитализма, особенно относящиеся к сфере денег, кредитов, финан-

---

ряные нити, 2009). Сегодня многие исследователи выделяют существующие в мире типы общества по признаку формально доминирующей в обществе религии: мусульманской, буддистской, протестантской, католической, синтоистской и т. п.

[27] 2 Петр. 2:22.

сов. Результаты этого осмысления были изложены нами в книге *«О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном»*[28]. Сейчас мы продолжаем осмысление некоторых вопросов, поднятых в этой книге.

Большинство авторов, идя на поводу у официальной идеологии, вообще обходятся без слова «капитализм», заменяя его «политкорректным» термином *«рыночная экономика»*[29]. Те же, кто использует слово «капитализм», обычно под ним понимают всего лишь определенную модель экономического устройства общества. И только немногие вдумчивые авторы обращают внимание на то, что *капитализм – это не только и не столько экономика, сколько духовное устроение общества и отдельно взятого человека*[30]. К сожалению, наша официальная богословская наука в этом вопросе не идет дальше ссылок на ставшую классической работу начала XX века *Макса Вебера* «Протестантская этика и дух капитализма». В ней автор доказывает, что капитализм как экономиче-

---

[28] *Катасонов В. Ю.* О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». – М.: НИИ школьных технологий, 2011. Кн. 1 и 2.

[29] Я уже не раз писал о бессмысленности и даже абсурдности этого словосочетания (см., например: Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. С. 53–55, 60–62).

[30] Одна из последних такого рода публикаций: Молотков А. Христианство и идеология рынка//Журнал «Молодая гвардия», 2011. № 4.

ская система возник в результате Реформации и появления на свет новой «религии» под названием «протестантизм». Но о Максе Вебере и его работе у нас разговор будет позднее[31].

[31] См.: гл. 3 «Макс Вебер и „протестантский капитализм“».

Глава 2
«Русский капитализм»

Русский капитализм мог бы быть теперь только кабально-колониальным капитализмом азиатского образца… Реставрация буржуазной России означала бы для «настоящих», «серьезных» реставраторов не что иное, как возможность колониальной эксплуатации России извне.

Л. Троцкий (25 апреля 1930)[32]

Капитализм как фрагмент русской истории

В более чем тысячелетней своей истории Россия почти не знала капитализма. Лишь в последние несколько десятилетий XX века и в начале XXI века (т. е. не более полувека) Россия двигалась по капиталистическому пути. Хотя история так называемого «русского капитализма» крайне короткая, но очень поучительная.

---

[32] «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)», май 1930 (№ 11).

В течение последних 20 лет существования Российской Федерации и непрерывных «реформ» в стране идут непрерывные разговоры и дискуссии по поводу того, какой путь выбрать России. То есть «реформы» осуществляются, а цели социально-экономического движения страны не определены. Или, по крайней мере, эти цели не продекларированы.

Современную, реально сложившуюся социально-экономическую модель России ученые, политики, экономисты, социологи, богословы и журналисты оценивают по-разному. Выше мы называли основные социально-экономические признаки капиталистической модели общества:

а) отчуждение свободного работника от средств производства (земля, орудия производства, сырье);

б) превращение свободного работника в наемного работника;

в) эксплуатация наемного работника капиталистом-работодателем, присвоившим средства производства;

г) получение капиталистом в результате эксплуатации прибавочной стоимости;

д) превращение товарно-денежных отношений в доминирующую форму экономических отношений в обществе.

В той или иной мере все эти признаки присутству-

ют в нашей сегодняшней жизни, поэтому никто особенно не оспаривает факт, что в России утвердился именно *капитализм.* Споры и дискуссии идут в основном вокруг вопроса: что это за капитализм? Существуют различные определения нашего капитализма: «государственный», «феодальный», «отсталый», «периферийный», «зависимый», «дикий», «варварский», «бандитский», «олигархический», «коррупционный» и т. п. На самом деле большинство из этих и подобных определений лишь дополняют друг друга, делая акцент на различных аспектах существующей социально-экономической модели общества, которую условно можно назвать *«новый русский капитализм»* (в отличие от *«старого русского капитализма»,* который существовал до 1917 года). С большинством приведенных выше определений мы полностью согласны. При этом критики «нового русского капитализма» предлагают свои рецепты по преодолению отдельных «дефектов» этой модели.

Например, критики «олигархического» капитализма считают, что самое главное, что мешает социально-экономическому развитию России, это – высокая степень монополизации российской экономики, и предлагают меры по последовательному демонтажу монополий, принадлежащих отечественным олигархам, и всяческому поощрению развития малого и

среднего бизнеса. Такая альтернатива в нашей литературе называется *«народным» или «демократическим» капитализмом.*

Критики «зависимого» (а также «периферийного») капитализма уверены, что происшедшая за два десятилетия глубокая «интеграция» российской экономики в мировую превратила Россию в «сырьевую колонию», которая нещадно эксплуатируется западными монополиями. Последние установили жесткий контроль над российской экономикой через скупку российских активов, предоставление кабальных кредитов, привязку денежной системы к американскому доллару и т. п. Такой «зависимый» капитализм ведет в конечном счете также к утрате суверенитета России и к ее полному исчезновению с политической карты мира. Соответственно, предлагаются меры по приоритетному развитию внутреннего российского рынка, восстановлению промышленности и сельского хозяйства, постепенному отходу от «сырьевой» специализации, усилению протекционизма и т. п. Короче говоря, предлагается модель «зависимого», или «колониального», капитализма заменить на модель *«национального» капитализма.* Социально-экономической базой последнего должны стать отечественные банки, промышленные компании и торговые фирмы, выстраивающие между собой прочные экономические связи

и формирующие внутренний рынок. Иностранный капитал в такую экономику не допускается.

Критики «государственного» капитализма (близки к этому направлению также критики «феодального» капитализма) акцентируют внимание на том, что государство в сегодняшней России превратилось в тормоз социально-экономического развития. Государство порождает коррупцию и искажает «рыночные стимулы». Чаще всего критики «государственного» капитализма предлагают сократить масштабы присутствия государства в экономике и больше полагаться на «невидимую руку» рынка.

Фактически речь идет о модели так называемого *«рыночного» капитализма,* называемого еще *«свободным» капитализмом.* В 2012 году началась новая волна приватизации государственных активов в российской экономике, это свидетельствует о том, что на данном отрезке нашей истории эта модель поддерживается и поощряется российскими властями.

Критики «дикого» капитализма вспоминают приватизацию 1990-х годов, когда государственная собственность была за бесценок роздана «новым русским». Они справедливо называют такую приватизацию «грабежом» и предлагают провести пересмотр результатов приватизации. А затем провести «правильную» приватизацию и развивать российскую эко-

номику на путях «рыночного», «национального» или какого-либо иного капитализма. На языке критиков «дикого» капитализма эта альтернатива называется *«цивилизованным» или «классическим» капитализмом.*

Некоторые критики «дикого» капитализма в противовес критикам «государственного» («феодального») капитализма считают, что необходимо усиление позиций государства в экономике. То есть предлагается модель именно *«государственного» капитализма.* Среди сторонников модели «государственного» капитализма можно особо выделить поклонников модели так называемого *«корпоративного» капитализма.* Такой капитализм впервые был апробирован в фашистской Италии во времена Муссолини, а затем был использован в нацистской Германии (данная модель предполагает жесткое государственное регулирование корпораций в разных отраслях экономики; последние формально сохраняют статус частных структур; в условиях «корпоративного» капитализма резко сокращается сфера товарно-денежных отношений).

Можно до бесконечности продолжать обзор различных концепций современного социально-экономического развития России, которые находят свое отражение в статьях и книгах различных экономистов, социо-

логов и политологов, программах политических партий, предвыборных выступлениях «независимых» политиков. Все они содержат очень острую и справедливую критику различных сторон «нового русского капитализма». Однако, к сожалению, 90 % этих концепций в качестве альтернативы нынешней модели предлагают различные альтернативные модели капитализма (хотя почти ни в одной из них термин «капитализм» не используется). С нашей точки зрения, все эти альтернативные модели сеют иллюзию, что Россия может развиваться по капиталистическому пути, при этом оставаясь православной страной. Мало кто из авторов и политиков откровенно замахивается на то, чтобы искоренить православие как «тормоз» социально-экономического развития страны[33]. Все они в той или иной мере предполагают наличие тех пяти важнейших социально-экономических признаков, которые присущи любой модификации капитализма. Каждый из этих признаков противоречит христианским принципам.

Особо стоит остановиться на идее возрождения

---

[33] Примером человека, который считает православие таким «тормозом», является известный журналист В. Познер. В одном из интервью он заявил: «Я считаю, что Русская Православная Церковь нанесла колоссальный вред России». Впрочем, Познер прибыл к нам из Америки, является носителем совершенно другой культуры, и его вряд ли можно назвать русским человеком.

«старого русского капитализма». Такая идея витает в воздухе еще со времен последних лет существования СССР, когда стали появляться интересные публикации о дореволюционной России и ее экономике. Возникла определенная идеализация той социально-экономической системы, которая складывалась в России до 1917 года.

Один из примеров такой идеализации дореволюционной экономической модели – фундаментальная работа *М. В. Назарова* «Вождю Третьего Рима». Автор стоит на православно-патриотических позициях, в целом работа очень глубокая и интересная. Но вот с содержащейся в ней оценкой социально-экономического положения России перед революцией согласиться нельзя. М. Назаров пишет: «… благодаря реформам Александра II и политике Александра III с 1890-х годов начался небывалый подъем российской экономики. Этому способствовали также введенные в 1891 году протекционистские таможенные тарифы, защищавшие отечественного производителя. Вместо притока импортных товаров это дало приток иностранных капиталов для организации производства… В 1897 году была введена устойчивая золотая валюта, покупная способность которой не колебалась в дальнейшем даже в годы войны»[34]. Говоря об уровне жиз-

---

[34] *Назаров М. В.* Вождю Третьего Рима. – М.: Русская идея, 2004. С. 77.

ни народа в начале XX века, В. Назаров отмечает, что «кое в чем дореволюционная Россия не уступала даже современным странам» (автор приводит сравнения отдельных социальных показателей по России 1913 года и СССР и ФРГ 1976 года)[35]. Заключает обзор социально-экономического положения России накануне Первой мировой войны Назаров следующими словами: «… в начале XX века у России были шансы стать для всего мира воочию вселенским Третьим Римом в современном варианте, сочетающем экономическое развитие, социальную справедливость и истинную веру»[36].

Почему же в России на фоне описанного М. Назаровым «благополучия» произошли три «русские» революции, которые увенчались захватом власти большевиками? М. Назаров усматривает здесь целый ряд причин – как внешних, так и внутренних.

Внешние причины – деятельность так называемой мировой «закулисы» – сил, враждебных России, сил, которые преследовали в нашей стране свои экономические, политические и духовные цели. Экономическая цель – установление полного контроля над ресурсами и хозяйством России. Политические цели – превращение России в марионетку Запада, ликвида-

---

[35] См. там же. С. 81–83.

[36] См. там же. С. 89.

ция в ней ненавистного Западу монархического строя. Духовные цели – ликвидация христианства, по крайней мере, в его православной форме. В целом мы согласны с описанием и оценкой внешних причин, приводимых Назаровым.

Среди внутренних причин Назаров выделяет следующие: «крестьянский вопрос» (незавершенность аграрной реформы, начатой Столыпиным); «национальный вопрос»; «еврейский вопрос»; особая роль в российском обществе так называемого «ордена русской интеллигенции» (как источника демократических, антимонархических идей; решающая роль интеллигенции в создании политических партий и учреждении Государственной Думы как рассадника революционных идей и т. п.). Не будем сейчас анализировать подробно характеристику подробно описанных Назаровым внутренних причин. В чем-то он прав, в чем-то он неточен, в чем-то ошибается. Но если говорить о главной ошибке в объяснении социально-экономических причин «русских» революций, то это отсутствие в списке этих причин быстрого развития капиталистических отношений в русском обществе.

Назаров совершенно справедливо говорит о высоких темпах экономического развития России накануне Первой мировой войны. Но вот про «цену» этих достижений он почти ничего не говорит. Он восхи-

щается быстрым притоком иностранных инвестиций в российскую экономику. А между тем постепенно и незаметно западный капитал захватывал ключевые позиции в экономике России – добывающей и обрабатывающей промышленности, торговле и, что особенно важно, банковском секторе. В 1910 году в нефтяной промышленности России 80 % капитала находилось в собственности трех иностранных компаний – американской «Стандарт ойл», англо-голландской «Шелл» и шведской «Нобель». В 1912 году у иностранцев было 70 % добычи угля в Донбассе. Кроме того, иностранцам принадлежало 90 % добычи платины, в их собственности находились 90 % акций электрических и электротехнических компаний, все трамвайные предприятия и т. д.[37].

Примечательно, что банки распространили свои щупальца на всю российскую экономику, приобретая контрольные пакеты акций. В 1910 году 88 % всех акций российской металлургии находились в руках банков, причем ⅔ этих акций принадлежали парижскому банковскому консорциуму из трех французских банков. В судостроении банкам принадлежало 96 % капитала, в том числе 77 % – парижским. В паровозостроении 100 % акций находились в руках двух бан-

---

[37] *Антонов М. Ф.* Капитализму в России не бывать! – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 588.

ковских групп – парижской и немецкой[38].

Россия обеспечивала быстрое экономическое развитие также с помощью иностранных (в первую очередь, ротшильдовских) займов. И накануне Первой мировой войны Россия, добившись ценой невероятных усилий четвертого (по другим данным – пятого) места в мире по объему промышленного производства, заняла прочно первое место по величине внешнего долга. Назаров говорит о «золотом рубле», который был, по его мнению, самой прочной валютой в мире. Но российский рубль поддерживался за счет золотых кредитов все того же Ротшильда. А «золотой рубль» был навязан России в самом конце XIX века Западом (денежная реформа С. Ю. Витте 1897 года) для того, чтобы обеспечить возможность вывоза из России дивидендов и процентов по займам в «самой прочной валюте в мире». Об этом убедительно писал царский генерал *А. Нечволодов* в своей книге «От разорения к достатку» (1906): «Привлечение иностранных капиталов в государство сводится к эксплуатации этими капиталами отечественных богатств и рабочих рук страны, а затем и вывозу за границу золота, приобретенного в стране за продажу продуктов производства»[39].

---

[38] Там же. С. 588.

[39] *Нечволодов А.* От разорения к достатку – СПб.: Общество памяти

И еще о «быстром экономическом развитии» России в начале XX века. Результаты растущего производства в нашей стране доставались преимущественно не русскому народу, поскольку параллельно с ростом производства шло увеличение экспорта продукции за пределы России. В основном экспорта сырья и полуфабрикатов. Обрабатывающая промышленность явно отставала от добывающей, а ассортимент готовой промышленной продукции был крайне узок. Поэтому параллельно нарастал импорт готовой промышленной продукции, особенно машин и оборудования, другой высокотехнологичной продукции. Россия все больше превращалась в сырьевой придаток Запада, нарастало ее техническое отставание. Хотя темпы экономического развития России после отмены крепостного права были выше, чем у многих европейских стран и США, разрыв в уровнях душевого потребления между Россией и капиталистическим Западом не уменьшался, а, наоборот, рос. Согласно совместному исследованию, проведенному Хьюстонским университетом США и НИЭИ при Госплане СССР в конце 1980-х годов, в 1861 году душевой национальный доход России составлял примерно 40 % по сравнению с Германией и 16 % – по сравнению с США. В 1913 году соответствующие цифры были рав-

---

игуменьи Таисии. 2007. С. 10.

ны 32 и 11,5 процента[40]. Таковы плоды того, что Россия вступила на путь зависимого капиталистического развития.

Развитие капитализма вело к разрушению крестьянской общины, социальной поляризации общества, появлению в городах безработных и тех самых люмпен-пролетариев, которые «орденом русской интеллигенции» и мировой закулисой использовались позднее в качестве «расходного материала» революций. Самое главное, что капитализм вел к быстрому духовному разложению общества, упадку веры, кризису Русской Православной Церкви (об этом кризисе, кстати, Назаров пишет). Капитализм (причем еще не в полной мере развившийся) привел к тому, что сочетание «экономического развития, социальной справедливости и истинной веры» (слова М. Назарова) в России стало невозможным. В 1917 году русский народ оказался перед альтернативой:

а) дальнейшее капиталистическое развитие (Февральская революция);

б) социалистическое развитие (Октябрьская революция).

Из двух зол русский народ выбрал меньшее. По крайней мере, в рамках социалистической альтерна-

---

[40] *Мухин Ю.* Наука управлять людьми: изложение для каждого. – М.: Фолиум, 1995. С. 116.

тивы ему предлагали «социальную справедливость», идея которой находилась в генах русского православного человека. Идеи «экономического развития», «демократии» и «прогресса», которые выдвигались в рамках капиталистической альтернативы, были малопонятны русским, и они интуитивно воспринимались как чуждые.

Конечно, большевики в дальнейшем отказались от многих своих лозунгов, фактически обманув русский народ. Но события 1917 года стали «лакмусовой бумажкой», отразившей антикапиталистические настроения русского православного человека[41].

Капитализм и Церковь

Отсутствие серьезной духовной оценки нынешнего общества не способствует, мягко говоря, спасению души христиан в современных крайне трудных (не только с социально-экономической точки зрения) условиях. Уже не приходится говорить о том, что это делает малопродуктивной деятельность наших социологов, экономистов и политологов по поиску выхода России из ее социально-экономических и полити-

---

[41] Подробнее см.: Антонов М. Ф. Капитализму в России не бывать! – М.: Яуза, Эксмо, 2005 (гл. 12 «О дореволюционном российском „капитализме“)».

ческих «тупиков».

Определенная отстраненность Церкви от социальных проблем имеет свои исторические корни. На протяжении многих веков Церковь существовала в условиях традиционного общества и руководствовалась так называемой умеренной хозяйственной доктриной. Суть ее в том, что Церковь не возражает против богатства, накапливаемого человеком, но призывает не привязываться к нему душой. При этом допускается частная собственность. Большая часть жизни человека традиционного общества протекает в «малом» круге – круге своих единомышленников (для христианина – это окружение таких же, как он, христиан). При распаде традиционного общества и быстром развитии товарно-денежных отношений христианин оказывается втянутым в «большой» социум, где привычное ему христианское окружение почти отсутствует. Невольно такой человек начинает задумываться над вопросом: как ему, будучи христианином, жить в этом «большом» социуме? Приспосабливаться? Бежать из этого социума «в леса»? Преобразовывать «большой» социум на христианских началах? Искать пути возвращения в традиционное общество? Церковь, к сожалению, слабо помогает человеку разобраться в этих сложных вопросах, продолжая по инерции общаться со своей паствой как сообществом асоциальных лю-

дей.

Но в какой-то момент времени не только перед паствой, но и перед самой Церковью как земной организацией, которая сама существует не в «четвертом» измерении, а в «большом» социуме, такие вопросы встают в полный рост. Становится очевидным, что «умеренная» хозяйственная доктрина христианства, асоциальная по своей сути, сегодня не устраивает никого. Остается выбор двух достаточно «социально заточенных» доктрин:

а) «святоотеческая» доктрина (идея коллективизма, общественной собственности и т. п.);

б) «протестантская» доктрина (ориентация на прибыль, частная собственность, наемный труд и т. п.).

И церковная иерархия делает выбор в пользу «протестантской» доктрины. Выбор этот не афишируется. Иногда он даже прикрывается небольшими дозами антикапиталистической риторики.

Наши церковные власти порой критикуют отдельные стороны сложившейся в России социально-экономической системы, но при этом не дают принципиальной и целостной духовной ее оценки. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, такой документ, как *«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»* (принят на Архиерейском Соборе РПЦ в 2000 году). Также можно отметить *«Соборное сло-*

во XI Всемирного Русского Народного Собора», посвященное проблеме богатства и бедности в мире и современной России (март 2007 года) и т. д. К большому сожалению, подобного рода документы не дают сколько-нибудь ясного представления о том, каков социально-экономический идеал нашей православной Церкви, и даже могут создавать иллюзии относительно того, что капитализм и христианство способны уживаться и даже в чем-то дополнять друг друга.

В своем ощущении отсутствия внятной позиции нашего церковного руководства по социально-экономическим вопросам я не одинок. Например, *А. Журавлев* в своей статье «Религиозная этика и бизнес» в начале 2004 года писал: «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятые юбилейным архиерейским собором в августе 2000 года, к сожалению, не дают ясного представления о православном взгляде на экономическую жизнь во всем ее разнообразии. Возможно, это является следствием компромиссного характера данного документа, четко формулирующего позицию РПЦ в основном по вопросу собственности: «Церковь признает существование многообразных форм собственности. Государственная, общественная, корпоративная, частная и смешанные формы собственности в разных странах получили различное укоренение в ходе историческо-

го развития. Церковь не отдает предпочтения ни одной из этих форм…» Видимо, «Основы социальной концепции…» – не тот документ, в котором пристало разбирать в подробностях макроэкономическую и даже политэкономическую проблематику. Однако когда автор, готовя эту статью, обратился в службу коммуникации Московской патриархии с просьбой назвать иные, кроме «Основ…», источники, имеющие отношение к экономическим воззрениям русского православия, ответа не было»[42].

Однако как раз в начале 2004 года на свет появился «православный» документ, имеющий отношение к экономической проблематике, – *«Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании»* (он разрабатывался при активном участии наших церковных властей и был принят в феврале 2004 года на VIII Всемирном Русском Народном Соборе). Мне пришлось провести детальный анализ данного документа, в результате которого я пришел к следующему выводу: «Свод нравственных принципов» призван лишь упорядочить «дикий» капитализм в России и придать ему некий вид «цивилизованного» капитализма, а погоню бизнеса за прибылью узаконить как «норму» нашей жизни (на языке разработчиков документа это на-

---

[42] *Журавлев Андрей.* Религиозная этика и бизнес // «Русский предприниматель», 2004. № 1–2.

зывается «православное предпринимательство»). В этой связи у меня родилось предложение дать ему более короткое и точное название: *«Моральный кодекс строителя капитализма»*[43]. Некоторые скажут, что автор данной книги слишком строг и придирчив в своей оценке. Но, слава богу, он не одинок в своей оценке.

Вот что пишет по поводу данного документа современный исследователь капитализма *Александр Молотков:* «Даже при самых благонамеренных попытках христианского оправдания предпринимательской деятельности, основанной на личном интересе, при самых обтекаемых и сбалансированных формулировках, никогда не преодолевается этот принципиальный нравственно ущербный барьер – служения себе. К сожалению, наглядный пример подобной ущербной (если не сказать извращенной) попытки христианского оправдания предпринимательской нравственности дает „Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании“, принятый в феврале 2004 года на Всемирном Русском Народном Соборе. Этот документ невозможно читать без какой-то внутренней тошноты, настолько густо он замешан на духовно-нравственном лукавстве. Каждый его пункт, каждая его мысль,

---

[43] Наш анализ данного документа см.: Катасонов В. Ю. Моральный кодекс строителя капитализма // Наше дело, 2010. № 2.

как бы высоко и благородно ни поднимались, в итоге все равно замыкается на себя, на отчужденную от общества самость предпринимателя, ищущего даже в самых высоких заповедях личный предпринимательский интерес. В этом документе нет ничего специфически христианского или русского, в своей нравственной обтекаемости он вполне удовлетворит и любого предпринимателя-иудея (что, видимо, и подразумевалось разработчиками), так как всегда оставляет некоторую нравственную нишу для относительно личного понимания меры экономической справедливости в отношениях с обществом и ближними. Это же относится и к мере жертвенности и благотворительности – в любом случае она ограничивается личной (остаточной) мерой достатка, которую предприниматель определяет для себя сам. В то время как христианское понимание жертвенности предполагает полную самоотдачу Богу и ближнему по примеру „лепты вдовы“ (Мк. 12: 41–44)»[44].

Под эгидой Московской Патриархии РПЦ все чаше стали проводиться семинары, круглые столы и конференции с достаточно непривычной для нашей церкви тематикой: «православный бэнкинг», «православный фандрейзинг», «православные эндаунтменты», «пра-

---

[44] *Молотков А.* Христианство и идеология рынка // «Молодая гвардия», 2011. № 4.

вославные финансовые инструменты» и т. п. Слова исключительно иностранные, которые и на Западе появились сравнительно недавно, когда там уже прочно утвердился капитализм. Часть нашей церковной иерархии, видимо, хочет не отставать от «прогресса» и внедрять капитализм не только в стране, но и внутри церковной ограды. Появляются сообщения о том, что в Патриархии обсуждаются проекты создания и использования в интересах Церкви «православных эндаунтментов» (фондов, инвестиционные доходы которых могут использоваться на финансирование текущих расходов церкви, а основной капитал остается в неприкосновенности) и различных «православных финансовых инструментов» (банковские депозиты, ценные бумаги)[45].

Все это в точности повторяет тот путь, по которому шла католическая церковь, которая сегодня превратилась в весьма профессионального игрока на финансовых рынках и вполне вписалась в «рыночную экономику»[46].

---

[45] См.: «Русская Православная Церковь создает первый эндаунтмент-фонд» // Сайт «Православие и мир», 22.12.2010; «Православный банкинг и финансовые инструменты в России» // Сайт «Клуб православных предпринимателей», 20.01.2011; Мельников А., Минин С. Духовно-нравственному возрождению потребовались финансовые инструменты // Газета «Протестант», 03.02.2011.

[46] См.: Четверикова О. Н. Измена в Ватикане, или Заговор пап против

Справедливости ради отметим, что попытки «вписаться» в «рыночную экономику» наблюдались в нашей церкви до 1917 года, однако они тогда своевременно пресекались; свободные средства церкви могли размещаться лишь в государственных учреждениях (Государственный банк, Министерство финансов). Дадим небольшую справку по данному вопросу: «Все церковные денежные капиталы должны были в обязательном порядке помещаться в государственные ценные бумаги и храниться в Государственном банке. Когда в 70-е годы XIX века появились городские и частные банки, платившие больший процент, чем Госбанк, и церковные учреждения стали помещать в них свои средства, правительство оценило это как преступление, и в 1882 году Синод отдал строжайший приказ передать все церковные вклады из частных банков в Госбанк и впредь не иметь дела с частным денежным рынком»[47].

Вот самая последняя информация на тему о том, как наша церковь стремится вписаться в «рыночную экономику». 12 сентября 2011 года в храме Христа Спасителя состоялось заседание Экспертного совета

христианства. – М.: Эксмо, 2011 (раздел «Католическая „этика финансов“ как легитимизация спекулятивного капитала»).

[47] *Гараджа В. И.* Социология религии. Учебное пособие. – М.: Инфра-М., 2007. С. 257.

«Экономика и этика» при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси совместно с Центром социально-консервативной политики партии «Единая Россия» и Клубом православных предпринимателей на тему «Вера, труд и капитал. Базовые социально-консервативные ценности – основа новой промышленной и кадровой политики»[48]. Даже само анонсированное название мероприятия навело на мысль, что его организаторы попытаются «синтезировать» православие («веру») и капитализм («капитал»). Интуиция нас не подвела. Как сообщается в информации о проведенном заседании, одним из главных вопросов обсуждения был «перспективы построения в России „социального капитализма“». Вот так: оказывается, «социальным идеалом» экспертов при МП РПЦ является построение в России *«социального капитализма»!*

«Социальный капитализм» – словосочетание примерно из того же разряда, что и «человеколюбивый убийца», «целомудренная блудница» или «христолюбивый сатанист». «Круче» «социального капитализма» разве что «православный капитализм». Впрочем, скоро может дойти и до этого. Религиозный обозре-

---

[48] «Протоиерей Всеволод Чаплин выступил на заседании на тему Вера, труд и капитал. Базовые социально-консервативные ценности – основа новой промышленной и кадровой политики» // Интернет. Сайт «Русская народная линия», 13.09.2011.

ватель и публицист *Егор Холмогоров,* считающий себя православным человеком, сумел в своем сознании «синтезировать» капитализм и православие и делится своим «открытием» с читателями: «Если проецировать основы „православной этики“ (ее идеалом он считает этику русских дореволюционных старообрядцев. – В. К.) на хозяйственную и социальную жизнь, то можно сказать, что ее внедрение (точнее – восстановление) приведет в России к формированию *постиндустриального социального капитализма*»[49].

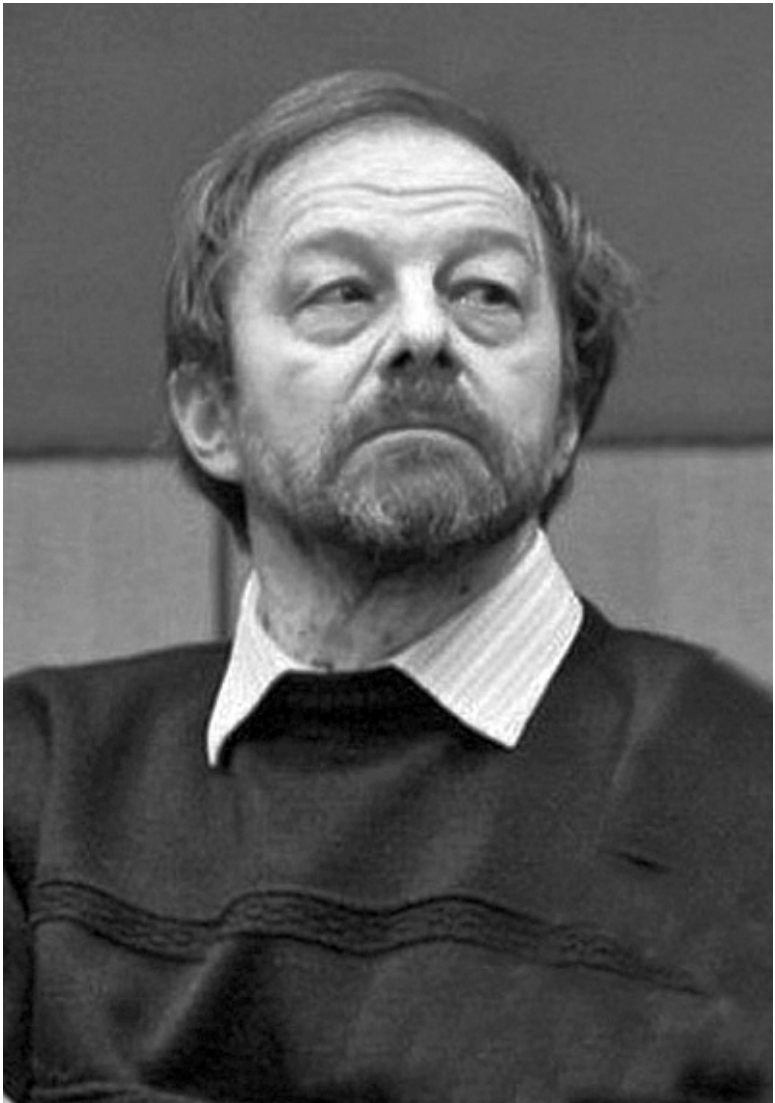
Мы не отрицаем необходимости изучения положительного опыта хозяйственной деятельности старообрядцев в дореволюционной России. По нашему мнению, одной из главных причин торговых и промышленных успехов старообрядцев был дух солидарности и взаимной поддержки. И такой дух нам сегодня надо возрождать в Церкви. Мы против того, чтобы, ссылаясь на успехи старообрядцев, начать возрождение «духа капитализма», который как раз и ведет к разрушению духа солидарности и взаимной поддержки. Если подходить к оценке старообрядчества честно и непредвзято, то следует признать: оно действительно сыграло немалую роль в становлении в дореволюционной России «духа капитализма». Сего-

---

[49] Холмогоров Е. Православная этика и дух «социального капитализма» // «Русский обозреватель», 26.07.2010.

дня неопровержимо доказано, что старообрядчество (наряду с масонством) было той силой внутри страны, которая активно вела Россию к февралю 1917 года[50].

[50] См.: Пряшников П. Страна дяди Тома. Как русский старообрядческий бизнес боролся за свои права и против царизма // Сайт «Свободная пресса», 10.04.2010.



Кстати, даже в православной нашей церкви (не старообрядческой) до революции существовало достаточно «толерантное» отношение к капитализму. Как пишет Н. В. Сомин, «теория благодатности русского капитализма бытует в нашей Церкви, к сожалению, давно. Весь XIX век в наших семинариях и академиях учили, что частная собственность „священна“[51]. Даже сегодня, когда перед нашими глазами имеется печальный опыт революций 1905 и 1917 годов и гражданской войны, многие патриоты и христиане ностальгически вспоминают об „успехах“ „русского капитализма“ начала XX века. Выше мы привели образец такой оценки – книгу М. В. Назарова, который восхищается „успехами“ дореволюционной России, но забывает сказать про цену этих „успехов“: быстро растущую внешнюю задолженность России, установление контроля иностранного капитала над рядом ключевых отраслей российской экономики, социальную поляризацию общества, рост бедности и обезземеливание

[51] *Сомин Н. В.* Возможен ли «христианский капитализм»? // Сайт «Христианский социализм как русская идея».

крестьянства на селе и т. п. Быстрое разрушение крестьянской общины (которая была не только экономической, но и религиозной общиной) повлекло за собой ослабление веры и утрату благочестия во всех слоях населения России.

Тот же Сомин совершенно правильно указывает, что всякого рода проекты создания (или возрождения) „православного капитализма“ свидетельствуют о непонимании сущности капитализма и христианства, сеют опасные иллюзии: „Капитализм с православным лицом“ противоречив – это гибрид волка с ягненком. И неважно, какой он – русский или западный. Надежды на то, что гигантская машина капитализма вдруг вместо греха начнет производить добродетель, иллюзорны. Полагая в основу экономики капитализм, создать подлинно православное государство вряд ли возможно»[52].

Даже в Америке, где, как известно, христианство существует в форме протестантизма, и где интенсивная «промывка мозгов» среди населения велась на протяжении длительного периода, очень многие люди интуитивно ощущают: христианство и капитализм несовместимы. Об этом свидетельствуют различные социологические исследования. Например,

---

[52] *Сомин Н. В.* Возможен ли «христианский капитализм»? // Сайт «Христианский социализм как русская идея».

опрос общественного мнения, проведенный в 2010 году в США, показал, что 44 % респондентов согласились с тем, что «капитализм и свободная рыночная экономика противоречат христианским принципам»; не согласились 36 % респондентов; остальные затруднились с ответом[53]. С учетом таких настроений американские пасторы и проповедники воздерживаются от прямого восхваления капитализма как социального идеала, иногда даже позволяя критику отдельных его сторон. Мы не питаем никаких иллюзий насчет этой критики: она рассчитана на публику, является заигрыванием с паствой. По умолчанию западная церковь давно уже приняла капитализм. Капитализм «научно обоснован» в западной богословской литературе (которую простые граждане не читают): «Западные богословы утверждают, что капиталистический способ производства справедлив, эффективен и, главное, обеспечивает людям свободу. Да и сами бизнесмены – люди совершенно необходимые: они производят нужные людям товары и предоставляют рабочие места. Так что именно их следует считать настоящими христианами»[54]. В западном бо-

---

[53] «Капитализм противоречит христианским ценностям, считают американцы» // «Мир религий», 27.04.2011.

[54] *Сомин Н. В.* «Ты не можешь более управлять» (к евангельской притче о неверном управителе // Сайт «Христианский социализм как русская

гословии речь идет не об отмене капитализма, а об «исправлении отдельных его недостатков». Примечательно, что в *энциклике Папы Римского Иоанна Павла II Centressimus annus*(1991 год) социально-экономическая доктрина Римского престола была «скорректирована» таким образом, что католицизм встал полностью на позиции «протестантской этики». Произошла полная «конвергенция» католицизма и протестантизма во взглядах на капитализм и финансово-экономическую сферу общественной жизни. Теперь у Запада стоит задача, чтобы такой «конвергенции» подвергнуть православие.

Наши религиозные «эксперты» и некоторые представители церковной иерархии стараются в вопросах «научного осмысления» капитализма не отставать от западных (католических и протестантских) коллег. Мы не удивимся, если следующим шагом в направлении осмысления нашими иерархами и их «экспертами» общественной жизни станет «богословское заключение» о том, что лишь капитализм создает условия для реализации христианством своей духовной миссии. А там, глядишь, в России появится гибрид под названием *«протестантское православие»* или *«православный протестантизм».* Впрочем, в России уже был «православный протестантизм» в виде старооб-

---

идея».

рядчества, хозяйственная этика которого весьма была похожа на западную протестантскую этику. Упомянутый нами Е. Холмогоров фактически и призывает к возрождению «православного протестантизма», который, в свою очередь, позволит построить в России «социальный капитализм», а одновременно и спасти души его строителей. Ему вторит кандидат богословия *М. В. Первушин* (сотрудник Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата), который считает, что будущее России – в так называемом *русском капитализме,* который можно построить на базе возрожденной хозяйственной этики старообрядцев[55].

Метания наших «православных теоретиков» в вопросе определения экономической модели для России доходят даже до того, что они предлагают ориентироваться на *«исламскую модель экономики».* Правда, слава богу, это не мнение церковной иерархии, а частные мнения, высказываемые на форумах в Интернете или в периодических изданиях[56]. Даже не погружаясь в многочисленные тонкости «исламской эти-

---

[55] *Первушин М. В.* Православие и экономика: аксиологические ориентиры русского капитализма // Богослов.ru. 29.08.2008.

[56] См., например: Марк Смирнов, Андрей Журавлев, Адалет Джабиев, Тарас Черниченко. Ислам без процентов. Есть ли в России перспективы для экономики «по шариату» // «НГ-Религия», 22.09.2006.

ки» хозяйствования, можно сказать, что «исламская модель экономики» – дутый пузырь. Главная норма «исламской этики» в экономике – запрет на взимание процента по ссудам и кредитам. Для практической реализации этой нормы были созданы так называемые исламские банки. Однако фактически конкурентоспособность таких банков, функционирующих в капиталистической среде, обеспечивается за счет разных форм государственного субсидирования (часто хорошо закамуфлированного). «Исламские банки» – это искусственные «оазисы» в мире капитализма.

Небольшие по числу жителей страны Персидского залива обеспечивают своему населению высокий уровень жизни не за счет «исламской модели экономики», а за счет продажи капиталистическому Западу заложенной в их недрах природной нефти. А те мусульманские страны, где нет больших запасов углеводородного сырья, имеют очень скромный уровень жизни или даже влачат нищенское существование. Все мусульманские страны (и богатые, и бедные) – периферийные части глобальной капиталистической экономики. Заглядываясь на них как на эталон, мы фактически ориентируемся на *модель зависимой* (*полуколониальной*) *капиталистической экономики.*

Экономический кризис, или Суд Божий?

Так, в последние годы в связи с развернувшимся в России и во всем мире экономическим и финансовым кризисом даже самые отстраненные от светской и мирской жизни представители церкви (православной, католической, протестантской) вынуждены были обсуждать вопросы, связанные с причинами указанного кризиса и путями выхода из него. Примечательно, что большинство этих представителей (не только в протестантской и католической церквях, но, к сожалению, также в православной церкви) обсуждение вели и ведут на языке экономистов и социологов. Совершенно справедливо указывается на социально-имущественную дифференциацию и поляризацию капиталистического общества; на недостаточность платежеспособного спроса, вызванного снижением доли заработной платы в валовом продукте; на неконтролируемую эмиссию американского доллара и т. д. и т. п. Для преодоления кризиса предлагается совершенствовать механизмы перераспределения общественного продукта, умерить алчность корпораций, прекратить строительство «финансовых пирамид» и т. п. Все это необходимо, но не достаточно. Все

это вторично по отношению к духовным средствам борьбы с кризисом. К сожалению, серьезная оценка причин кризиса и определение путей выхода из него с позиций истинно христианской социологии встречаются в выступлениях представителей нашей Церкви крайне редко. Иногда они могут даже «лягнуть» капитализм, но подобные смелые заявления «повисают в воздухе», поскольку не вписываются в общий контекст их заявлений и выступлений.

Приведем в качестве примера мероприятие, которое проходило летом 2011 года в Париже, – XVIII ежегодная конференция Межпарламентской ассамблеи Православия (МАП). В Конференции участвовали также представители Русской Православной Церкви. Процитируем фрагмент из официальной информации об этом мероприятии: «По благословению Святейшего Патриарха Кирилла в Конференции принял участие священник *Андрей Елисеев,* секретарь Представительства Русской Православной Церкви при европейских международных организациях в Брюсселе. В своем выступлении он отметил, что Церковь призвана на основании Священного Писания пророчески и действенно утверждать в сердцах людей Высший Закон и давать нравственную оценку всем важнейшим событиям, происходящим в мире, содействовать справедливому общественному устройству. Очевид-

но, подчеркнул он, что мировой экономический кризис – это очередное напоминание о том, что необходимы такие механизмы, которые бы ограничивали благосостояние отдельных личностей и мегакорпораций с целью перераспределения ресурсов планеты в интересах людей, в том числе будущих поколений, а не узких деловых кругов. Экономические решения не дают ответов на все вопросы, связанные с кризисом. Он сам является порождением порочной практики и духа капитализма, все более утрачивающего гуманистическую составляющую. Нам нужен не только эффективный, но и нравственно ответственный бизнес, экономика должна иметь в том числе и духовное, и человеческое измерение»[57].

Данное публичное заявление представителя церковной иерархии является типичным (или «типовым»).

Во-первых, в нем есть ритуальный «камень», брошенный в адрес капитализма: кризис «является порождением порочной практики и духа капитализма». Тезис правильный, но не раскрытый.

Во-вторых, в нем есть ритуальный призыв создать «механизмы» по обеспечению более равномерного

---

[57] «Представители Русской Православной Церкви приняли участие в XVIII ежегодной конференции Межпарламентской Ассамблеи Православия» // Интернет. «Русская народная линия», 28.06.2011.

распределения ресурсов и ограничению благосостояния «отдельных личностей». В истории человечества уже были случаи, когда одни личности «ограничивали благосостояние» других «отдельных личностей». Например, в 1917 году в нашей стране. Мы уже это проходили. К сожалению, в данном тезисе не раскрываются тонкости предлагаемых «механизмов», а без этого он превращается в декларацию.

Но дальше (как всегда) начинаются странности. Выступающий сказал, что капитализм все более утрачивает «гуманистическую составляющую». Здесь он показывает полное непонимание духовной сущности капитализма. По его логике, получается, что есть «плохой», а есть «хороший» капитализм и что кризис – порождение «плохого», утратившего «гуманистическую составляющую» капитализма. Заметим, что капитализм уже, по крайней мере, два столетия переживает так называемые «циклические кризисы», на которые в свое время обратил пристальное внимание К. Маркс.

Кроме того, выступающий предложил делать ставку на «эффективный» и «нравственный» бизнес. Заметим, что «бизнес» – слово английского происхождения. Смысл этого слова не вызывает сомнений: *«бизнес – самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на си-*

стематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Эффективность предпринимательской деятельности может оцениваться не только размерами полученной прибыли, но и изменением стоимости бизнеса (*рыночной стоимости предприятия*)»[58]. Нетрудно заметить, что бизнес с его стремлением к максимальной прибыли (а выступающий призывает делать ставку на «эффективный» бизнес!) и есть суть капитализма. Капитализм без бизнеса (эффективного или, по крайней мере, стремящегося быть эффективным) – такая же бессмыслица, как и церковь без прихожан или лес без деревьев.

И наконец, насчет призыва священника к тому, чтобы экономика имела «духовное измерение». Вообще-то экономики без «духовного измерения» в природе не бывает. Вопрос в том, каково это «духовное измерение». Даже «дикий капитализм», который появился на просторах нашей страны, также имеет «духовное измерение». Кто-то называет это «язычеством», кто-то – «протестантской этикой», кто-то –

---

[58] «Что такое бизнес?» // DAZ. SU (Познавательная «Википедия»). Заметим, что бизнесмены стремятся к повышению рыночной стоимости предприятия ради получения все той же вожделенной прибыли.

«талмудическим иудаизмом» и т. п. А вот какое «духовное измерение» экономики нужно нам, православным, священник так и не раскрыл.

К сожалению, подобные малосодержательные (а порой бессмысленные) заявления и выступления от имени Церкви стали нормой, что не помогает выходу России из кризиса, а наоборот, затрудняет его. По сути это попытка если не служить, то, по крайней мере, оправдать служение Богу и мамоне одновременно. А это, как сказал Иисус Христос, невозможно. Следовательно, имеет место вольное или невольное поощрение тех, кто служит мамоне.

Примечательно, что наши церковные иерархи и окружающие их «эксперты» очень полюбили всякие иностранные слова, смысл которых, как мне кажется, они не всегда хорошо понимают: фандрайзинг, банкинг, маркетинг, консалтинг и т. п. Причем всегда стараются добавить «православный», чтобы казалось благопристойно и «духовно».

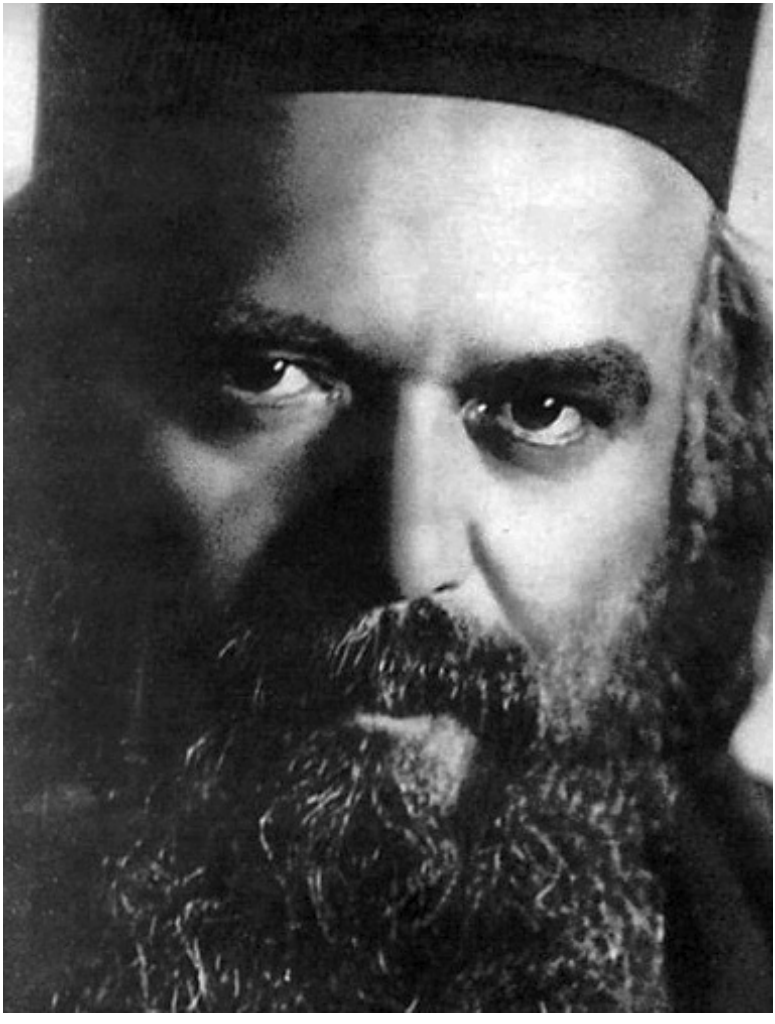
И в то же время русские слова им кажутся устаревшими и неубедительными. Подмена слов в лексиконе христианских людей – знамение нашего времени, она все более затрудняет понимание духовных причин нашего жизненного неустройства и незримо меняет христианское сознание. Например, *«кризис» – слово греческое и означает «суд».* Если бы мы говорили

не «кризис», а «суд» (естественно, суд Божий), то до нас быстрее дошло бы понимание духовной сущности современной капиталистической экономики. Еще в прошлом веке верующие люди (не только православные, но даже католики и протестанты) понимали духовный смысл кризиса как некоего «сигнала» (часто очень «болевого»), посылаемого Богом человеку за грехи. Понятно, что если кризис экономический, то он напоминал о таких грехах, как алчность, сребролюбие, любостяжание, лихоимство, зависть, отсутствие любви к ближнему, жадность и т. п. Повторим: даже протестанты (наиболее духовно чуткие) понимали причинно-следственную связь между грехом и экономическим кризисом. Швейцарский протестантский богослов *Карл Барт* (1886–1968) даже создал новое направление в богословии – *«теологию кризиса»*[59].

К сожалению, в XX веке уже очень немногие христиане (в том числе православные) воспринимали кризисы как «суд Божий». Вот что писал *святитель Николай Сербский* (1880–1956) во время экономического кризиса, разразившегося на Западе в 1929 году: «До теперешнего времени европейские народы употребляли слово „суд“ вместо слова „кризис“, когда их по-

[59] Наиболее полно идеи «теологии кризиса» изложены в работе Барта «Послание к римлянам (Комментарий к посланию апостола Павла к римлянам)», изданной в 1919 году.

стигало какое-то несчастье… Когда была засуха, говорили: „Суд Божий!“; война или мор – „Суд Божий!“; наводнение – „Суд Божий!“; землетрясение, саранча и другие беды – опять „Суд Божий“. Это значит: кризис от засухи, кризис от наводнения, от войны, от мора и т. д. И теперешнее финансово-экономическое неблагополучие народ понимает как суд Божий, не говоря „суд“, но „кризис“. Чтобы беда была увеличена непониманием…



Современным грехам – современный и кризис. И действительно, Бог использовал современное средство, ударив по современным людям: ударил по банкам, по биржам, по финансам, по валюте. Опрокинул столы менял по целому свету, как некогда в Иерусалимском храме. Произвел небывалую панику среди купцов и менял. Поднимаются, борются, волнуются, пугаются. Все – чтобы гордые головы европейских и американских мудрецов пробудились, опомнились. Лишенные материальной обеспеченности, больше думали бы о своих душах, признали бы свои беззакония и поклонились бы Богу Всевышнему, Богу Живому.

Долго ли будет продолжаться кризис? Пока не переменится дух людской, пока гордые виновники этого кризиса не преклонятся перед Всемогущим, пока люди не догадаются перевести непонятное слово „кризис“ на свой язык и со вздохом и покаянием не воскликнут: „Суд Божий!“. Говори и ты, честный отче, „Суд Божий“ вместо кризиса, и все тебе будет ясно»[60].

---

[60] Письмо святителя Николая Сербского священнику К. о мировом кри-

Вместо разговора об экономическом кризисе как о суде Божием некоторые «эксперты», находящиеся под крылом Патриархии, сводят его преимущественно к причинам нравственного порядка и возрастанию имущественного неравенства в обществе[61]. Это не может не настораживать.

Именно такой «мирской», «земной» взгляд на кризисное состояние общества давно уже стал характерным для католической церкви. «На Западе, – отмечает *А. Митрофанова,* – наблюдается такой упадок религиозного сознания, что религия перемещается в земную сферу Для среднего католика религия приравнивается к нравственности, социальной работе, а собственно духовные аспекты христианства размываются и утрачиваются. Западный человек может сказать, что он католик, но „не практикующий“. Это значит, что он разделяет католические представления о нравственности, социальной справедливости, но при этом не исповедуется, не причащается и даже детей не крестит (многие современные католики считают, что дети вырастут и сами решат, креститься им или нет). Духовные аспекты христианства в сознании мно-

---

зисе// Московский журнал, 2009. № 1.

[61] См.: Заявление Экспертного Совета «Экономика и этика при Патриархе Московском и всея Руси в связи с мировым финансово-экономическим кризисом» // «Русская Православная Церковь». Официальный сайт Московской Патриархии. 27.07.2009.

гих католиков размыты. Они не понимают разницы между нравственным и духовным, социальным и догматическим. Отсюда – разговоры о „совместном свидетельстве“ и „единой вере“ христиан и представителей других религий»[62].

Сегодня в православии появилось большое количество людей, которых условно можно назвать *«христианскими агностиками».* Они демонстративно устраняются от размышления над метафизическими вопросами устройства современного общества, заявляя, что такие «ненужные» вопросы лишь отвлекают человека от дела личного спасения.

Довольно часто даже маститые богословы говорят о том, что христианство не должно заниматься поиском путей преображения социальной действительности. Но это мнение вступает в противоречие с положениями главы I *«Основ социальной концепции»* Русской Православной Церкви: «Церковь должна пройти через процесс исторического кенозиса, осуществляя свою искупительную миссию. Ее целью является не только спасение людей в этом мире, но также спасение и восстановление самого мира». Чуть далее «Основы» гласят: «Недопустимо манихейское гнушение жизнью окружающего мира. Участие христианина

---

[62] Анастасия Митрофанова: на Западе религия перемещается в земную сферу // сайт «Русская народная линия», 14.05.2011.

в ней должно основываться на понимании того, что мир, социум, государство являются объектом любви Божией, ибо предназначены к преображению и очищению на началах богозаповеданной любви. Христианин должен видеть мир и общество в свете его конечного предназначения, в эсхатологическом свете Царства Божия».

Впрочем, о том, что внешние, социальные условия совсем не безразличны для христианина – как с точки зрения его земной жизни, так и тем более с точки зрения спасения его души, отмечали некоторые святые отцы – как раннего христианства, так и уже нашего времени. *Священномученик архиепископ Андроник Пермский,* например, говорил: *«Пусть никто не верит наговорам обольстителей, которые говорят, что для христианина совершенно безразличен тот или иной порядок гражданской жизни. Нет, мы – христиане – в мире живем и из этого мира до времени, определенного Творцом, выйти не можем* (*1 Кор. 5, 10*)*. А потому нам вовсе не безразлично, что совершается в гражданском нашем быту, ибо тот или иной строй, те или иные порядки жизни могут содействовать или препятствовать делу спасения, а в иных случаях и вовсе его преследовать насмерть… Итак, если все в этом видимом и даже невидимом, ангельском мире существует для наше-*

го душевного спасения, то мы имеем самое твердое основание и непременную обязанность разобраться в том старом, что было доселе, и том новом, что нам предлагают, насколько то и другое способно помочь главному назначению нашей жизни на земле – спасению – или, наоборот, препятствовать ему»[63].

Вспомним, что Православная Церковь, согласно Символу Веры является «святой, соборной и апостольской».

Если Церковь *«святая»,* это значит, что ее главой является Бог – Тот, кто противоположен мамоне («Не можете служить Богу и мамоне»).

Если Церковь *«соборная»,* это значит, что она представляет собой сообщество объединенных любовью людей. Истинная любовь исключает частную собственность. Невозможно себе представить соборную общность людей, в которой каждый разделяет имущество по принципу «мое – чужое». Истинно соборная общность людей может существовать только на основе общественной собственности.

Если Церковь *«апостольская»,* это значит, что она должна следовать по стопам двенадцати ближайших учеников Христа, которые после сошествия на них

---

[63] *Епископ Андроник.* Русский гражданский строй жизни перед судом христианина, или Основание и смысл царского самодержавия. – М., 1995. С. 6.

Святого Духа создали в Иерусалиме первую христианскую общину (коммуну), основанную на общности имущества.

Итак, Православная Церковь не может рассматривать общество, основанное на погоне за богатством, на частной собственности и индивидуализме, своим идеалом. Более того, такая модель социальной организации, называемая капитализмом, противоречит Символу Веры, а стало быть, основным принципам христианства. Идеалом социальной организации христианской жизни является сообщество верующих людей, базирующееся на любви, совместном труде и общей (общественной) собственности. Самый главный принцип – любовь, из которого вытекают и справедливость, и взаимопомощь, и творческий характер труда, и бережное отношение к общей собственности, и разумный подход к своим потребностям, и другие правила социальной организации жизни, которую можно назвать «христианским социализмом».

Часть II
Духовно-религиозные причины становления капитализма

Желание иметь средств к жизни больше, нежели сколько у ближнего, происходит не от иного чего, как от того, что любовь охладела.

Святитель Иоанн Златоуст[64]

Каждый отдельный человек, даже отвергая религиозно-этические нормы, по-человечески живет в их сфере.

Макс Вебер, немецкий социолог

---

[64] Иоанн Златоуст. Беседа 18 на Послание к Ефесянам.

Глава 3
Макс Вебер и «протестантский капитализм»

М. Вебер: свежий взгляд на капитализм

Сегодня у всех на слуху имя немецкого социолога *Макса Вебера* (1864–1920). В своей нашумевшей книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) он дал (как считают многие современные почитатели Вебера) исчерпывающий ответ на происхождение капитализма[65]. Капитализм как общественно-экономический строй можно сравнить с деревом, у которого есть видимая часть (ствол, ветви, листья), а есть невидимая часть – корни. Большинство социологов и экономистов изучают видимую часть этого диковинного дерева – его экономику, право, политику, культуру. А вот М. Вебер решил взглянуть на невидимую, корневую часть дерева – духовно-нравственное

[65] Одно из изданий книги: Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Ист-Вью, 2002. С книгой также можно ознакомиться в Интернете.

устроение общества. И дал четкий ответ: корнями капитализма являются протестантизм и его этика.

Сегодня основные идеи Вебера, касающиеся роли протестантской этики в становлении капитализма, очень популярны и воспроизводятся в учебниках по истории, социологии и экономике. Поэтому кратко напомним суть теории Вебера.

Протестантизм исходит из представления, что все люди изначально (еще до рождения) делятся на «избранных» и «прочих». Внешним, видимым признаком «избранности» является деловой успех и богатство человека.

Человек в течение своей жизни мучается вопросом: «избранный» он или нет? Для этого он стремится добиться материального успеха и удостовериться в своей «избранности».

Материальный успех в протестантизме достигается за счет полной самоотдачи человека в своей сфере профессиональной деятельности, а также за счет аскетического образа жизни, в чем и проявляется в первую очередь служение человека Богу.

Протестантизм с его своеобразной этикой богатства обладает наибольшим «духом капитализма», и

он внес основной вклад в становление и развитие капитализма.

Комментаторы Вебера с разной степенью детализации описывают теорию немецкого социолога и нередко добавляют что-то от себя. Количество публикаций о Вебере и его теории сегодня исчисляется тысячами[66]. Вебер сегодня – непререкаемый авторитет в социологии. *Френсис Фукуяма,* известный современный философ и политолог, назвал работу Вебера «самым известным социологическим трактатом за всю историю человечества». Самого автора работы «Протестантская этика и дух капитализма» называли «Эйнштейном в социологии».

Теория Вебера: аргументы и контраргументы

Несмотря на столь высокий «рейтинг» Вебера и его

---

[66] Наиболее известные работы на русском языке: Патрушев А. И. Расколдованный мир Макса Вебера. – М.: изд-во МГУ, 1992; Кравченко Е. И. Макс Вебер. – М.: Весь Мир, 2002; Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера. – М.: РОССПЭН, 2007. Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. – М., 1991; Гайденко П. П. Социология Макса Вебера // История буржуазной социологии XIX – начала XX века. – М.: Наука, 1979; Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология. – М.: Мартис, 1998; Льюис Дж. Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера. – М., 1981.

работы, полной убедительности в верности теории знаменитого немецкого социолога не возникает. У Вебера еще при его жизни было много оппонентов. Сегодня их стало еще больше. Многие логические построения Вебера оказывались слишком зыбкими. Кроме того, некоторые моменты (особенно касающиеся догматики протестантизма) Вебер, по нашему мнению, просто присочинил.

Казалось, у Вебера был один совершенно «железобетонный» аргумент в пользу своей теории страны, в которых после Реформации протестантизм стал доминирующей религией, капиталистическое развитие шло намного быстрее, чем в тех странах, которые остались преимущественно католическими. К первой категории стран в первую очередь относились: Нидерланды, Великобритания, Швейцария, Соединенные Штаты Америки, Германия. Ко второй – Испания, Италия, Португалия, Франция. На этот счет имелась соответствующая статистика, и, казалось, никаких оснований для сомнений в правильности вывода Вебера быть не может.

Однако главный оппонент Вебера *Вернер Зомбарт,* живший в это же время немецкий социолог и экономист, подверг серьезному сомнению данный аргумент Вебера. Зомбарт предложил свое, не менее убедительное объяснение различий в дина-

мике развития двух групп стран: католические страны, сохраняя юридические и религиозно-нравственные ограничения на развитие капитализма, «выталкивали» за пределы своих границ наиболее капиталистически «заряженную» часть населения – евреев.

Евреи эмигрировали в протестантские страны и активно строили там капитализм.

Было обращено внимание и на то, что в протестантских странах темпы развития капитализма были неодинаковы. Например, в Германии они были намного ниже, чем, например, в Нидерландах или Англии. В этом отношении Германия была ближе к католическим странам, чем к Нидерландам, Англии или Америке. У Вебера и на это замечание готов ответ: протестантизм очень разный; в Германии преобладает такая его разновидность, как *лютеранство,* которое не обладает необходимым потенциалом капиталистического развития. А вот в Нидерландах, Англии и Америке – другие разновидности протестантизма. Это кальвинизм и пуританизм. Дадим краткую справку по этим двум ветвям протестантизма.

Пуританизм – от английского слова *pure*(чистый). Пуритане хотели «вычистить» англиканскую церковь (направление протестантизма, возникшее в Англии) от уцелевших элементов католицизма. Как сообщает Большая советская энциклопедия, пуритане «требовали уничтожения епископата, замены его выборными старейшинами (пресвитерами), удаления из церк-

ви украшений, замены мессы проповедью, упрощения одних и уничтожения других церковных обрядов (т. е. создания „дешевой“ церкви, отвечающей интересам буржуазных кругов). „Мирская этика“ П. поощряла скопидомство, расчетливость, поклонение богатству и презрение к бедности, трудолюбие. П. отличало бесстрашие, упорство в достижении целей, религиозный фанатизм, уверенность в своей „предызбранности“»[67].

Кальвинизм – одно из главных направлений протестантизма, которое было основано в Женеве в 1536 году Кальвинизм получил свое название по имени его основателя – *Жана Кальвина* (1509–1564), французского юриста, теолога и проповедника. Если Мартин Лютер начал протестантскую Реформацию церкви в XVI веке по принципу «убрать из церкви все, что явно противоречит Библии», то Жан Кальвин пошел дальше – он убрал из церкви все, что в Библии не требуется. Поэтому кальвинистское богословие характеризуется склонностью к рационализму и большим недоверием к мистике. Основные течения современного кальвинизма – пресвитерианство, реформаторство, конгрегационализм. Кальвинистские взгляды глубоко проникли в иные протестантские деноминации (баптисты, методисты, пятидесятники, евангельские хри-

---

[67] Большая советская энциклопедия, статья «Пуритане».

стиане и др.).

По мнению Вебера, именно пуританизм и кальвинизм (а не лютеранство) обладают мощным потенциалом капиталистического развития. Вебер, например, обращает внимание, что Лютер и его последователи решительно выступали против ростовщичества, в то время как Кальвин и его последователи реабилитировали и легализовали взимание процента по ссудам.

У критиков Вебера еще один аргумент против его теории: протестантизм (в форме кальвинизма и пуританизма) появился лишь в XVI–XVII веках, а человечеству капитализм к этому времени был уже хорошо известен. Речь идет, прежде всего, о древнем капитализме Ассирии, Вавилона, античной Греции и античного Рима. Кстати, представление о существовании древнего капитализма и его особенностях Вебер получил благодаря работам известных немецких историков Т. Моммзена и Э. Майера, которые написали свои основные труды во второй половине XIX века. Им принадлежит приоритет в открытии *древнего капитализма.*

В средние века капитализм уже процветал в городах-полисах Южной Италии (Флоренция, Генуя, Венеция и др.)[68]. У Вебера и на это замечание находит-

---

[68] Об итальянском капитализме этой эпохи см.: Тарле Е. В. История Италии в новое время. – СПб., 1901; Рутенбург И. Очерк из истории ран-

ся ответ: до Реформации человечество имело лишь «нецивилизованный» капитализм. Протестантизм породил иной, «цивилизованный» капитализм. В чем же отличие «протестантского» капитализма от более ранних форм? Прежде всего, в том, что в условиях «протестантского» капитализма прибыль получается в основном без прямого насилия: *«Капитализм, безусловно, тождественен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно возрождающейся прибыли, к „рентабельности“. И таким он должен быть… Капиталистическим мы будем называть здесь такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования обмена, т. е. мирного* (*формально*) *приобретательства*»[69]. Мы не находим у Вебера четкого разграничения капитализма на «цивилизованный» («протестантский») и «нецивилизованный» («старый»). Сделать Веберу это крайне трудно

него капитализма в Италии. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951; Соколов Н. П. Образование венецианской колониальной империи. – Саратов, 1963; Котельникова Л. А. Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках. – М.: Наука, 1967.

[69] *М. Вебер.* Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. С. 48. Обратим внимание, что Вебер, чувствуя натяжку в своем тезисе, к словам «мирное приобретательство» добавляет в скобках: «формально».

по одной простой причине: в протестантских странах «цивилизованный» капитализм начинался именно с убийств и разбоя, которые в учебниках по истории и экономике называются *«первоначальным накоплением капитала»* («огораживание», «борьба с бродяжничеством», колониальный разбой и т. п.). Впрочем, и после завершения этапа «первоначального накопления капитала» капитализм не брезговал и не брезгует любыми способами приобретательства – как мирными, так и военными (силовыми). В конечном счете две мировые войны в XX веке – результат борьбы капиталистов за передел мировых ресурсов. За многими так называемыми «мирными» способами капиталистического приобретательства чаще всего стоит угроза силового принуждения (прежде всего, со стороны государства, находящегося на службе у капиталистов).

В другой своей работе – *«Аграрная история древнего мира»* (1909) – Вебер продолжает думать над различиями между древним и современным капитализмом: «Среди составных частей капитала (имеется в виду капитал античной эпохи. – В. К.), разумеется, отсутствуют все те средства производства, которые созданы техническим развитием последних двух столетий и составляют нынешний „постоянный“ капитал… Среди способов эксплуатации капитала отступает на задний план помещение капитала в промыш-

ленность и, в частности, в „крупные производства“ в области промышленности; напротив, прямо доминирующее значение имеет в древности один способ эксплуатации капитала, который в настоящее время по своему значению отступил на задний план: государственный откуп»[70]. Далее Вебер перечисляет главных «капиталистов» древнего мира: это: откупщики, военные поставщики, ростовщики, крупные торговые предприниматели, финансовые магнаты. Вебер называл древний капитализм «политическим», имея в виду, что своей пуповиной он был связан с государственной фискальной политикой. Но разве всех этих признаков «политического» капитализма во времена Вебера не было? Разве к началу XX века в ряде западных стран капитализм не стал превращаться в ростовщический? Все это было, но рамки данной работы не позволяют привести факты и цифры, подтверждающие сходство двух видов капитализма. Говоря о «цивилизованном» капитализме, Вебер имел в виду, прежде всего, английский капитализм эпохи промышленной революции, однако к началу XX века такой капитализм стал уже достоянием истории. Англия превратилась в колониальную державу, опирающуюся на военную силу, а также в мирового ростовщика

---

[70] *М. Вебер.* Аграрная история древнего мира. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1923. С. 19.

и опытного финансового спекулянта. Мы можем резюмировать: попытки Вебера отделить «цивилизованный» капитализм от древнего, «нецивилизованного», «языческого» капитализма, успехом не увенчались. Тем более сегодня, с высоты XXI века хорошо видно поразительное сходство современного капитализма с древним «политическим» и ростовщическим капитализмом.

Кстати, датируя появление протестантизма XVI–XVII веков, критики Вебера не совсем точны. Они имеют в виду западноевропейский протестантизм как продукт Реформации. А ведь мир не ограничивался Западной Европой. Была еще Россия, которая в XV веке переняла от Византии как Второго Рима эстафету мирового центра православия и получила титул Третьего Рима. Между тем в самом начале своего нахождения в этом качестве Россия столкнулась с серьезным искушением под названием *«ересь жидовствующих»* – разновидностью протестантизма. Напомним, что примерно в 1470 году некий еврей Схария (Захария) прибыл из Киева (а ранее из-за границы) в Новгород и начал там распространение этой ереси, которая стала популярной среди части священства и высокопоставленных мирян, вышла за пределы Новгорода и достигла Москвы. Позднее соборное дознание 1503 года обнаружило в «ереси жидов-

ствующих» следующие главные моменты: 1) отвержение Воплощения Сына Божия; 2) неверие в Воскресение Иисуса Христа; 3) отвержение почитания Богоматери, угодников Божиих, икон и мощей; 4) непризнание действенности таинств; 5) несоблюдение постов, отвержение монашества и взгляд на развратное поведение как на норму.

На сходство «ереси жидовствующих» с западноевропейским протестантизмом и на первенство «ереси» по времени обращает внимание В. Н. Тростников: «Так что, представив в Новгороде свою идейную платформу, Схария первым в Европе провозгласил начало Нового Времени. Это был 1470 год от Рождества Христова… Трудно это произнести, но объективный анализ ситуации заставляет оценить ее таким образом: Реформация могла начаться не в Германии, а в России, и не в начале шестнадцатого века, а в конце пятнадцатого!»[71]

Однако зерна российского гибрида протестантизма, брошенные в российскую почву, не дали ожидаемых всходов капитализма. Веберовская материалистическая схема к России оказалась совершенно не применима. Потому что, как говорил *Ф. Тютчев,*

---

[71] *Тростников В.* Православная цивилизация: исторические корни и отличительные черты. – М.: Изд. дом Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник», 2004. С. 171–172.

«умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Как объясняет В. Тростников, «относительно России у Бога были совершенно другие планы. Она до конца времен должна была оставаться Третьим Римом, а протестантизм, из которого выросли капиталистическая система хозяйства и наука, попускалось внедрять немцам, голландцам, англичанам и французам… Опасность была отведена, и инфекция, которая могла стать для Святой Руси смертельной, оказалась для нее даже полезной и, более того, необходимой, ибо сыграла роль вакцины. Переболев ею в сравнительно безопасной форме, православный организм России выработал в себе еще один иммунитет, оказавшийся просто-таки спасительным в последующем, когда Петр I, воспитанный в Немецкой слободе Лефортом и Брюсом, задумал переделать нас в „немцев“, а его преемница Анна Иоанновна и ее фаворит Бирон вели… прогерманскую политику…»[72]

Соглашаясь с Тростниковым, мы тем не менее не можем и полностью отвергать схему Вебера применительно к России. Ведь все-таки в результате реформ Александра II Россия начала переходить на капиталистические рельсы развития. Да, в России в середине XIX века не было в сколько-нибудь заметных масштабах ни кальвинизма, ни англиканства, ни люте-

[72] Там же. С. 173–174.

ранства, никакой другой европейской разновидности протестантизма. Зато были так называемые *староверы* (*старообрядцы*), которых небезосновательно называли и называют «русскими протестантами»[73]. Это было второе поколение «русских протестантов», если первым считать носителей «ереси жидовствующих». Многие исследователи признают, что именно «староверы» стали главным «мотором» капиталистического развития России в дореволюционный период[74].

Но вернемся к критике Вебера Зомбартом. Последний продолжал опровергать автора «Протестантской этики» и после его смерти (в 1920 году). В XX веке на путь капиталистического развития встали страны, которые находились за тысячи километров от Европы и в которых протестантизмом и не пахло. Наиболее ярким примером была Япония с ее восточными религиями (синтоизм, буддизм, дзен-буддизм). Приме-

---

[73] Известный немецкий исследователь русской экономики *Г. Шульце-Геверниц* (1864–1943) считал русских старообрядцев сродни движению квакеров в Англии.

[74] Многие староверы занимались торговлей, фабричным производством, горным делом, банковским делом целыми семьями и имели династии. Можно назвать следующие семейные кланы староверов-предпринимателей XIX– начала XX века: Рябушинские, Тындины, Морозовы, Мамонтовы, Марковы, Гучковы, Кузнецовы. Среди наиболее известных «единоличных» предпринимателей следует упомянуть Василия Кокорева, Николая Бугрова, Козьму Солдатенкова, Сергея Щукина, Илью Ковылина, Григория Горбунова, Василия Громова.

нительно к таким странам Зомбарт в конце 1920-х годов предложил использовать термин *«новый капитализм».* Фактически Зомбарт поставил под сомнение жесткую Веберовскую схему зарождения капитализма как некую дорогу-одноколейку с начальной станцией под названием «Протестантизм». Он стал склоняться к тому, что в мире существует несколько капиталистических маршрутов движения человечества с разными начальными станциями.

Протестантизм и капитализм: что первично?

Главное замечание в адрес Вебера заключалось в том, что в рассматриваемой им паре понятий «протестантская этика» и «дух капитализма» немецкий социолог без каких-либо колебаний и сомнений первое рассматривает в качестве причины, а второе – в качестве следствия, результата. Однако с таким же успехом можно утверждать, что, наоборот, развитие в недрах традиционного общества капитализма привело к Реформации и появлению протестантизма. Кстати, именно такой точки зрения придерживаются некоторые исследователи. Современный социолог *Ю. Кузнецов* прямо отмечает: «В некоторых случаях причинно-следственная связь может быть прямо противо-

положной той, которую усматривает Вебер – то есть именно развитие капитализма создавало благоприятные условия для развития протестантства. Например, в XVI веке в Южных Нидерландах экономическая экспансия, действительно, совпала с распространением кальвинизма, причем охотнее всего в него переходили купцы и предприниматели. Но именно эти люди составляли наиболее подвижную группу населения, это были люди, легко идущие на контакт, готовые обсуждать с чужаками религиозные вопросы и принимать чужое мнение. Кроме того, эта группа по понятным причинам была весьма оппозиционно настроена к испанской короне. С другой стороны, возможности инквизиции в торговых центрах всегда были меньше, чем в аграрных областях. Наконец, большую роль в экономической жизни Антверпена играли мараны – бывшие иудеи, принудительно обращенные в католицизм. С началом Реформации они обратились к лютеранству, но потом предпочли последовательный кальвинизм»[75]. Кальвинизм (по крайней мере, в Голландии) представлял собой разнородную смесь купцов, предпринимателей и бывших испанских иудеев. Получается, что в ряды кальвинистов влились люди, которые уже были заряжены «духом капитализма».

---

[75] *Кузнецов Ю.* Тезисы о Вебере. Протестантизм и генезис европейского капитализма // Интернет.

Британский социолог финского происхождения *Эдвард Вестермарк* (1862–1939), вопреки Веберу, считал, что произошло обратное влияние «капиталистического духа на теологическую догматику»[76].

Известный английский историк экономики *Ричард Тоуни* (1880–1962), один из самых известных критиков Вебера, в своей книге «Религия и становление капитализма» (1926)[77] отмечал, что в связке «протестантизм – капитализм» первичен капитализм, а протестантизм – детище капитализма. Тоуни отмечает, что Венеция, Флоренция и Южная Германия в XV веке (накануне Реформации) уже были переполнены «духом капитализма». А капиталистическое развитие Голландии и Англии в XVI–XVII веках было обусловлено не тем, что они стали протестантскими странами, а из-за большого притока туда экономически активных людей, а также Великими географическими открытиями, плоды которых достались именно этим двум странам.

Аминторе Фанфани (1908–1999), итальянский экономист и историк, в своей работе «Католицизм, протестантизм и капитализм»[78] считает, что капитализм

---

[76] *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. – М.: Прогресс, 1987. С. 346.

[77] *Tawney R. H.* Religion and the Rise of Capitalism. New York: Harcourt, Brace & World, Inc., 1926.

[78] *Fanfani Amintore.* Catholicism, Protestantism, and Capitalism. Norfolk, 2003.

проник в Европу более чем за столетие до того, как на свет появился протестантизм. Фанфани считает, что не протестантская этика стала причиной капитализма, а та «капиталистическая ментальность», которая была заложена в людях, преследовавшихся в католических странах. Постепенно все они собрались под знаменами антикатолического движения. Фанфани полагает, что лидеры этого движения – не только Лютер, но даже Кальвин – препятствовали капитализму. Как пишет современный итальянский исследователь истории капитализма *Сандра Пьеротти,* ссылаясь на А. Фанфани, «Лютер был консервативен в экономических вопросах. Особенно это касалось его патриархальных идей в вопросах торговли. Многое в новом укладе вызывало у него отвращение. Кальвин же осуждал и считал противозаконным весь доход, который приобретается за чей-то еще счет, а также выступал против накопления богатства. Многие гугенотские и голландские реформаторы также высказывались против различных аспектов капитализма. Они боялись снятия ограничений с ростовщичества, а также считали, что замена в интересах людей служения Богу на жажду наживы была признаком безумия. Фанфани соглашается с Вебером в том, что капитализм процветал после Реформации, но когда речь заходит о причинах (такого процветания. – В. К.), то

тут их взгляды расходятся. Он говорит: то, что мы сегодня понимаем под капитализмом, возникло на итальянских торговых путях под зонтиком католической церкви. Однако, по его мнению, ни одна религия не оказала большого влияния на рост капитализма как основной мировой экономической системы»[79].

Подобного рода авторов, считавших, что Вебер перепутал причину со следствием, достаточно много. Но при такой трактовке событий Позднего Средневековья вопрос о причинах появления в обществе «духа капитализма» остается открытым.

Протестантизм по Веберу: а был ли такой протестантизм?

У Вебера возникают сплошные натяжки при изложении догматики и этики протестантизма. Носители новой христианской религии, конечно, польщены той «пальмой первенства», которую Вебер вручил протестантизму, но между собой признают, что «портрет» протестантизма, нарисованный этим немецким социологом, не вполне соответствует действительно-

---

[79] *Pierotti Sandra.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism: Criticisms of Weber's Thesis // Интернет. Перевод: Сандра Пьеротти. Протестантская этика и дух капитализма. Критика теории М. Вебера. // Интернет. Сайт «Финансы и религии».

сти. В частности, Вебер «переборщил» с религиозной мотивацией обогащения. На первом месте среди христианских ценностей у протестантов стояла трудовая деятельность, которую они считали служением Богу. Трудовая повинность у них заменялась потребностью в честном, напряженном и профессиональном труде. Труд у протестантов (в первую очередь, у кальвинистов) приравнивался к молитве, богослужению и чтению Священного Писания. Богатство, как считают некоторые исследователи протестантизма, было лишь следствием напряженного труда и аскетического образа жизни[80]. Кстати, на искажения догматики протестантизма Вебером обратил внимание уже упоминавшийся нами его оппонент *Зомбарт.* Последний в споре с Вебером приводит высказывания известного английского пуританского богослова *Ричарда Бакстера* (1615–1692): «Как мало значат богатства и почести этого мира для души, отходящей в иной мир и не знающей, будет ли она позвана в эту ночь. Тогда возьми с собой богатство, если сможешь»; «Работай над тем, чтобы почувствовать великие нужды, которых не могут устранить никакие деньги»; «Деньги скорее отягчат твое рабство, в котором держат тебя грехи, нежели облегчат его»; «Разве честная бедность не

---

[80] См.: Сомин Н. В. Блеф «Протестантской этики» // Сайт «Христианский социализм как русская идея».

много слаще, чем чрезмерно любимое богатство?». Что-то в этих фразах не чувствуется того «духа капитализма», о котором нам говорит Вебер.

Примечательно, что одним из мест распространения радикального протестантизма – пуританизма и кальвинизма – была Шотландия. Между тем Шотландия в плане развития капитализма ничем себя не проявила, отставая даже от лютеранской Германии. У Вебера ответа на подобный «парадокс» мы не находим. Экономист и историк *Якоб Винер* утверждает, что именно кальвинистская доктрина, которая навязывалась церковью и государством, стала сдерживающим фактором для развития капитализма в Шотландии[81]. Шотландские пресвитерианцы видели смысл жизни в страданиях и мучениях, считая их свидетельством приверженности человека к добру. Богатство, комфорт и довольство были, по их мнению, проявлениями зла. Целый ряд исследователей приводили шотландских протестантов в качестве примера последовательных борцов с «духом капитализма». Неужели М. Вебер не знал этого? Видимо, Шотландия с ее последовательно антикапиталистическим протестантизмом не «вписывалась» в красивую схему Вебера и он решил про Шотландию «забыть».

---

[81] *Viner Jacob.* Religious Thought and Economic Society. Durham: Duke University Press, 1978.

Несколько переоценил Вебер также «заслуги» Кальвина в легализации ростовщичества. Действительно, Кальвин оспорил тезис Аристотеля о «бесплодности» денег (который был полностью поддержан католическими схоластиками). Да, деньги «бесплодны», – утверждал Кальвин, – если они лежат без дела. Если они пущены в оборот, принося прибыль, то процент законен (здесь точка зрения Кальвина на процент очень близка к точке зрения Фомы Аквинского). Но Кальвин не столь радикален, как его представляет Вебер. Например, он против взимания процентов, если кредит выдается на пропитание (и здесь он сходится с Фомой Аквинским). Кроме того, он считает, что государство имеет право устанавливать предельную ставку процента и ее никому не позволено превышать. Он против того, чтобы проценты превышали прибыль заемщика от использования кредита. По его мнению, нельзя выдавать кредиты, если они способствуют нанесению ущерба государству. Наконец, он против того, чтобы выдача денег под процент становилась профессиональным занятием[82].

---

[82] См.: Кузнецов Ю. Тезисы о Вебере. Протестантизм и генезис европейского капитализма //Интернет; Robertson H. M. Aspects of the Rise of Economic Individualism: A Criticism of Max Weber and his School. N. Y. 1933. P. 117.

Возвращаясь к вопросу догматики кальвинизма, следует иметь в виду, что сторонники и последователи Кальвина не особенно интересовались ее тонкостями. Многие просто услышали, что богатство в этой религии не только не возбраняется, но даже поощряется, и этого было достаточно для того, чтобы пойти за таким вождем. Догматика и богословие кальвинизма и пуританизма – удел кабинетных теологов. К тому же протестантские «миссионеры» доводили до народа догматы своей религии в упрощенном, «адаптированном» для «черни» варианте. В «низах» религия протестантизма превращалась в чистую идеологию, которую венчали несколько броских политических лозунгов. Вот что пишет о распространении радикального протестантизма в народных массах Англии *А. Ваджра:* «…к началу 30-х годов XVII века Англия оказалась покрыта густой сетью нелегальных и полулегальных религиозных собраний, игравших роль своего рода народных „просветительских клубов“. Звучавшие на них кальвинистские проповеди, модифицированные в соответствии с английскими реалиями, доста-

точно эффективно „промывали мозги“ низшим слоям общества. Религиозная трибуна была мастерски использована для политической пропаганды. Таким образом, народ психологически готовили к революции, убеждая его в том, что англиканская церковь покинута Богом, а существующий сословный строй лишен божественной санкции. Как следствие этого в 1646 году была уничтожена епископальная система национальной церкви, а в 1649 году – монархический строй»[83].

И наконец, еще один принципиальный момент. Вебер совершенно неоправданно приписал всему протестантизму наличие «духа капитализма», отмечая лишь, что в одних направлениях протестантизма он был более ярко выражен, а в других – менее. Однако более глубокое изучение протестантизма показывает, что в некоторых его течениях присутствовал дух, прямо противоположный (с социально-экономической точки зрения) «духу капитализма». Речь идет о «духе социализма». Следует сказать, что, подобно тому, как «дух капитализма» зарождался в недрах католической церкви еще задолго до Реформации, точно так же и «дух социализма» витал над Европой уже в те времена, когда, казалось, позиции католицизма были незыблемы. Носителями этого духа были и ката-

---

[83] *Ваджра А.* Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. – М.: АСТ: Астрель, 2007. С. 96.

ры (XI век), и братья свободного духа и апостольские братья (XII век), и табориты (XV век) и т. п. Они также внесли свою скромную лепту в Реформацию. Одной из первых протестантских сект, возникших на волне Реформации, были анабаптисты («перекрещенцы»). Движение анабаптистов началось в Германии, а затем в XVI веке распространилось на Швейцарию, Австрию, Чехию, Данию и Голландию. В XVII веке оно перекинулось в Англию. Наиболее видными фигурами анабаптизма были «апостолы» *Клаус Штрох, Томас Мюнцер, Иоганн Бокелзон* (*Иоанн Лейденский*).

Движение анабаптистов носило ярко выраженный антиклерикальный характер, выдвигало лозунги тотального обобществления имущества и даже жен. Кровавый эксперимент по созданию «социалистического строя» был проведен Иоганном Бокелзоном в германском городе Мюльгаузене в 1534–1535 гг. Мы не ставим своей задачей дать критический анализ теологической и социалистической доктрины анабаптистов и рассказать об их «социалистических экспериментах». Все это читатель может найти в интересной книге *И. Р. Шафаревича* «Социализм как явление мировой истории». Мы вспоминаем в данном случае о «протестантском социализме» лишь для того, чтобы показать, насколько М. Вебер упрощал и искажал социальную доктрину протестантизма. Кстати,

анабаптисты не были единственным течением в рамках протестантизма, которое выдвигало социалистические идеи. Тот же Шафаревич отмечает, что к идеям социализма в Англии были близки также наиболее радикальные пуритане, секты мормонов, рентеров, диггеров, левеллеров и др. Некоторые из них позднее переродились в чисто социально-политические движения, утратив свою религиозную природу.

И. Р. Шафаревич

Западная философия как источник «духа капитализма»

Если в отношениях с народом последовательные борцы за капитализм делали ставку все-таки на религиозное чувство, то, обращаясь к «верхам», они апеллировали к разуму. Для этого главные носители «духа капитализма» стали активно прибегать к помощи совершенно нового типа проповедников – «профессиональных» философов.

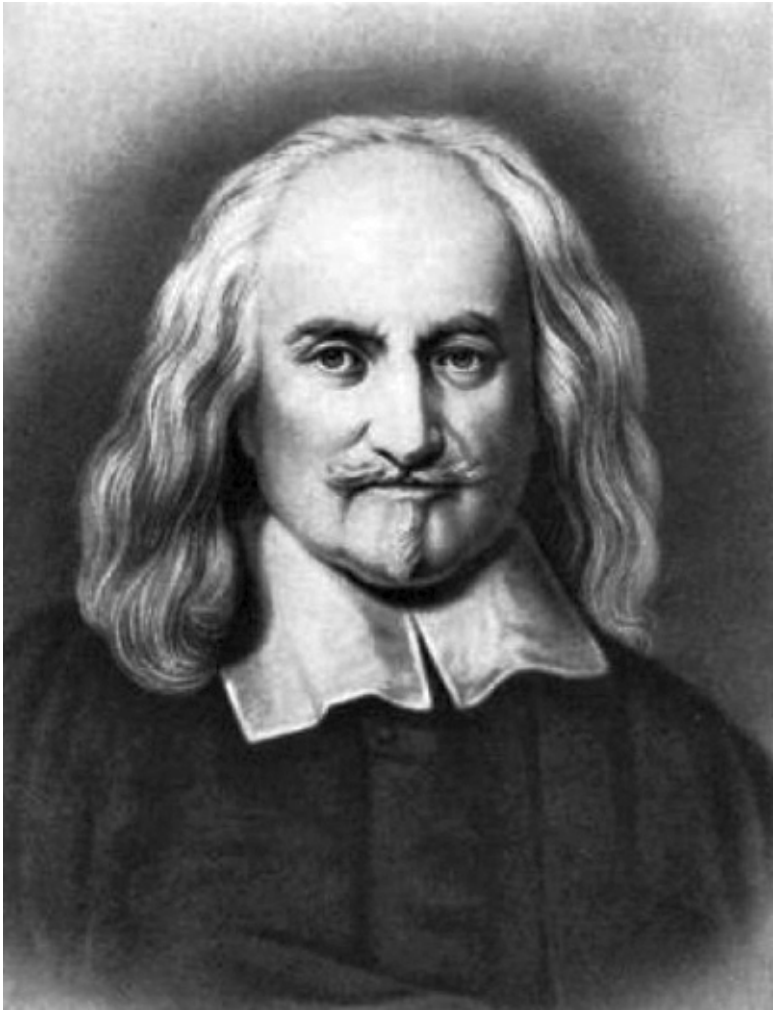
Философы уже вообще обходились без религии – они делали ставку на логику, рационализм, «естественное право» и т. п. Такие светские философы – предтечи буржуазной революции – появились в первую очередь в Англии. Среди них особенно выделялись *Фрэнсис Бэкон* (1561–1626) и *Томас Гоббс* (1586–1679).

Мы не собираемся детально анализировать их философские взгляды. Отметим лишь, что они проповедовали откровенный материализм, агностицизм и даже откровенный атеизм. Ф. Бэкон, в частности, предлагал провести четкую грань между верой и знанием, религией и наукой. Т. Гоббса часто вообще называют «отцом неверия». Так что «дух капитализма» порождала не столько новая религиозная этика, как это представлял Вебер, сколько безбожная английская (и не только английская) философия. Она представляла человека не как творение Бога, а как эгоистичное животное с определенным набором чувств и инстинктов (прежде всего – алчности, честолюбия и страха). Фактически в этом эгоистичном животном уже просматривался идеал «рыночной экономики» – *homo economicus*(«человек экономический»). Последующие поколения «профессиональных» философов и экономистов занимались тем, что пропагандировали этот идеал, продвигали его в «массы». Вот как кратко *А. Ваджра* описывает «вклад» английской философии XVII века в формирование «духа капи-

тализма» как в самой Англии, так и за ее пределами: «Постепенное редуцирование человеческой природы во взглядах английских мыслителей стимулировало ее трансформацию от человека как духовного существа, созданного Богом, до разумного животного, погрязшего в пороках. Возникнув в высших слоях общества, данное мировоззрение со временем овладело и народными массами. Естественно, что оно не могло не выдвинуть на первое по своей значимости место инстинкты. При этом превращение индивида в некую совокупность первичных, диких инстинктов было подано как величайшее достижение европейской науки, как раскрытие наиглавнейшей тайны человеческой природы. Так через идеологическое индуцирование, путем целенаправленной информационно-психологической обработки масс создавался человек нового типа. Настойчиво внедряемое в сознание англичан, а затем и европейцев представление о человеке как о плохо поддающемся окультуриванию опасном животном постепенно делало его таковым. Это, в свою очередь, привело к духовно-психологической изоляции индивидов и их деятельному противопоставлению, требовавшему создания соответствующих эффективных социальных и психологических конструкций укрощения якобы хищнической при-

роды человека»[84].

[84] *Ваджра А.* Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. – М.: АСТ: Астрель, 2007, с. 97–98.



Так называемое *«гражданское общество»,* которое сегодня в России рассматривается в качестве идеала социальной организации, было обосновано именно философами эпохи раннего капитализма. Постоянно внушавшийся западному человеку страх должен был, по замыслу философов, стать гарантией «вечного мира». Т. Гоббс считал, что именно изначальный страх породил в обществе законы и государственный аппарат для подавления изначально порочной человеческой природы. Государство с его репрессивным аппаратом фактически призвано было стать «земным Богом» для порочного человека.

Вебер явно переоценивал религиозную мотивацию «первопроходцев» капитализма. Диакон *Андрей Климов* подмечает эту особенность психологии пионеров протестантизма (кальвинизма): «Объективности ради следует заметить: Кальвин говорил, что Бог метит своих избранных не только богатством, но и страданием, но вторая часть как-то не нашла признания. Люди услышали только то, что деньги есть признак богоизбранности. Это было революционно новое заяв-

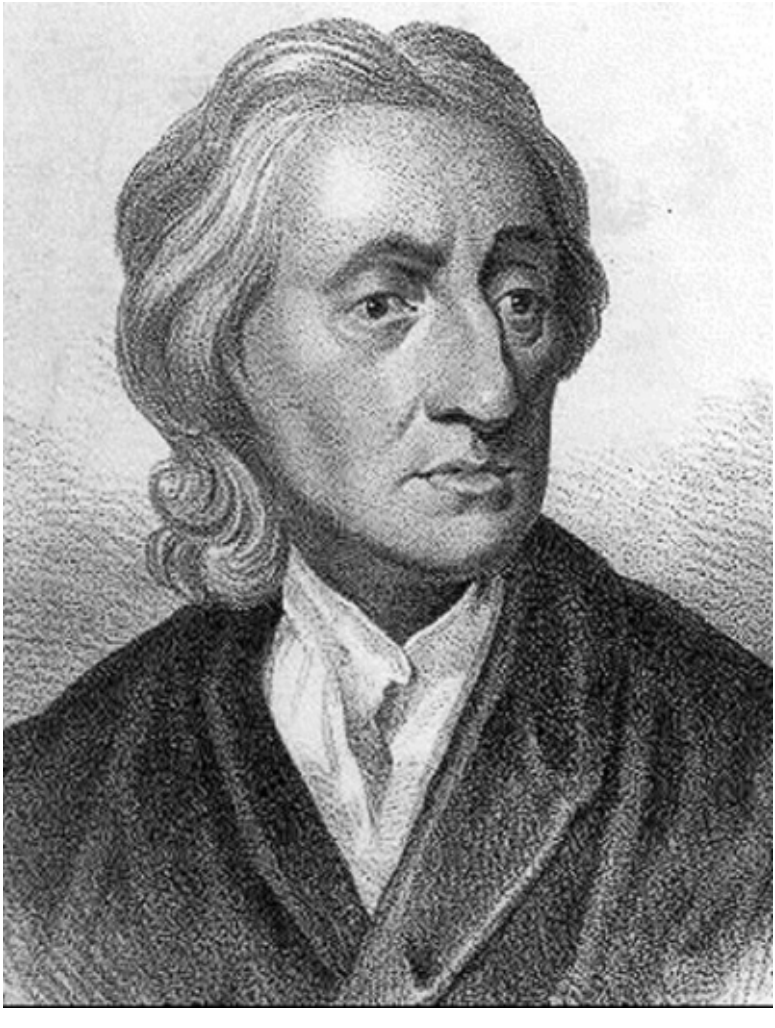
ление. Поначалу на него мало кто обращал внимание. Религия к тому времени утратила статус института, задающего направление обществу. Католические и протестантские богословы спорили на обочине жизни, хорошо это или плохо. У Кальвина находились последователи. Не потому, что они разбирались в тонкостях доказательной базы, утверждавшей за деньгами спасительную для души силу, а потому, что это заявление соответствовало их внутреннему стремлению. Религия Кальвина фактически узаконила добывание денег любыми путями… Корни колоссального успеха здесь в том, что масса охотнее принимает не то, что истинно (в этом она разобраться не может), а то, что соответствует ее желаниям и чувственной сфере»[85].

К тому времени, когда Вебер начал писать свою работу «Протестантская этика и дух капитализма» (конец XIX – начало XX), всякая религиозная этика вообще исчезла из сферы экономических отношений. Английский философ *Джон Локк* (1632–1704), которого считают основоположником современного либерализма, выдвинул идею тотальной правовой регламентации всех сторон жизни человека, в первую очередь экономической стороны. Почти полная несовместимость миллионов эгоистических «Я», стремивших-

---

[85] *Климов А.* Православный социализм и западный капитализм // Национальные интересы, 2009. № 2.

ся к обогащению любой ценой, требовала разработки детальных «правил игры», называемых юридическими нормами. Детальная законодательно-нормативная регламентация экономических отношений между эгоистическими «Я» дополнялась созданием мощнейшего судебного аппарата. Шло активное формирование так называемого *«правового государства»* (которое так активно навязывается сегодня России). *Юридические нормы стремительно замещали нормы религиозной этики.* Рождение «правового государства» – лишь юридическое оформление того духовно-психологического состояния, в котором оказалось западное общество в XVI–XVII веках.



Джон Локк

Со временем главной функцией государства согласно философским «обоснованиям» стала *защита частной собственности* – «самого святого», что есть на земле.

Альтернативные версии зарождения капитализма

Основным оппонентом Вебера при жизни был уже упоминавшийся нами немецкий социолог *Вернер Зомбарт* (1863–1941). Кстати, одно время они были коллегами, работая в Гейдельбергском университете. Зомбарт написал книгу «Евреи и хозяйственная жизнь» (1911), в которой он доказывал, что основными носителями «духа капитализма» были евреи, а не протестанты. Эту идею Зомбарт развивал и в некоторых других своих работах: «Участие евреев в создании современного народного хозяйства» (1910), «Будущее евреев» (1912), «Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека» (1913).

Вебер, не отрицая вклада евреев в развитие капитализма, тем не менее заслуги кальвинизма в этом вопросе ставит выше иудаизма. Кальвинизм, по его мнению, нацеливает человека на бесконечное накопление капитала; иудаизм поощряет всяческое богатство, но богатство остается средством, не превращаясь в самоцель. Вот как резюмирует эти рассуждения М. Вебера о различиях иудаизма и кальвинизма наш отечественный философ *Ю. Бородай:* «… даже принцип наживы в иудаизме не столь универсален, как в кальвинизме: во-первых, он не распространяется на отношения между „своими“, и, главное, нажива здесь сохраняет „традиционалистский“ характер, то есть нацелена на потребление и потому не превращается в столь пожирающую, как в кальвинизме, страсть… В отличие от иудейской установки, где капитал лишь средство непосредственного наслаждения или господства, то есть вернейшее средство максимального благоустройства своего земного материального бытия, для протестанта, подлинного господина нового строя, накопление капитала становится самоцелью»[86].

Тезис Вебера о превосходстве кальвинизма над иудаизмом, с нашей точки зрения, и верен, и неверен.

---

[86] *Бородай Ю. М.* Почему православным не годится протестантский капитализм? // Наш современник, 1990. № 10.

Протестанты с их религиозно-фанатическим отношением к деньгам на «коротких дистанциях» могли даже обыгрывать иудеев и казаться более «конкурентоспособными» капиталистами[87]. Исторические факты свидетельствуют о заметном вытеснении протестантами евреев на начальном этапе развития капитализма даже из их традиционной ниши – ростовщического бизнеса. Однако в стратегическом плане неоспоримое преимущество на стороне евреев – именно потому, что деньги они рассматривали и рассматривают не как самоцель, а как средство. Протестанты инвестировали деньги только в деньги, иудеи – в деньги и во власть. А власть обеспечивала вторым преференции в той же экономике. Например, с ее помощью они добились контроля над эмиссией денег, т. е. над «печатным станком». Так что в стратегическом плане иудаизм оказался более «конкурентоспособен», чем протестантизм. Сила протестантизма обернулась его слабостью.

Впрочем, некоторые авторы подходят к объяснению капитализма с иных позиций, чем Зомбарт и Вебер.

---

[87] Еще раз напомним, что Вебер явно преувеличивал религиозный фанатизм протестантов в деле накопления капитала. Если у протестантов и был фанатизм, то, скорее, он распространялся на сферу профессиональной трудовой деятельности.

Еще до того, как Вебер родился, человечеству было предложено избавиться от каких-либо сомнений и поисков в вопросе причин появления капитализма. *Карл Маркс,* автор «Капитала», заявил, что всегда и везде экономика первична, а религия вторична, производна от экономики. А поскольку, с его материалистической точки зрения, капитализм – это экономика, то очевидно, что капитализм породил протестантизм, а не наоборот. С этой точки зрения, как писал второй классик марксизма *Фридрих Энгельс,* «политические и религиозные теории (эпохи Реформации – В. К.) были не причиной, а результатом той ступени развития, на которой находились тогда в Германии земледелие, промышленность, сухопутные и водные пути, торговля и денежное обращение»[88]. Сегодня серьезно данную точку зрения воспринимать нельзя. Дело в том, что классики марксизма само появление капитализма (как и любой другой общественно-экономической формации) выводят напрямую из развития производительных сил общества. Такой взгляд на общество и человеческую историю можно назвать вульгарно-материалистическим. Мы даже не будем сейчас погружаться в его критику. Достаточно сказать, что данная

---

[88] *Энгельс Ф.* Предисловие ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд-е. Т. 16, С. 412–413.

теория не может объяснить многих вещей в истории человечества. Например, существование капитализма в древнем мире (Вавилон, Греция, Римская империя и др.), где тогдашние производительные силы не могли сравниться с производительными силами Позднего Средневековья и эпохи Реформации.

Рассмотрим иные трактовки причин появления капитализма. Например, современный исследователь капитализма *С. В. Вальцев* отвергает «протестантскую» версию Вебера и выдвигает в качестве главной причины появления капитализма *особую природу западного человека:* «Реформация не свалилась с неба, а в основе своей была сформирована этническим духом западного человека. Реформация была лишь идеологической оболочкой тех идей, которые были и без всякой Реформации близки западному человеку. Ментальные особенности западного человека – вот та идейная точка отсчета начала капиталистической эры»[89]. Данная точка зрения на «капиталистическую» природу западного человека не нова, она высказывалась многими философами, социологами и антропологами. Однако с ней мы вряд ли согласимся. Прежде всего, такая позиция противоречит

---

[89] *Вальцев С. В.* Закат человечества. 2-е издание, переработанное и дополненное. Почему человечество вырождается? – М.: Книжный мир, 2-е изд-е, 2010. С. 274.

христианской антропологии, согласно которой человек любой расы и национальности по причине своей «поврежденной» природы предрасположен к греху. А «капиталистический дух» – концентрат человеческих грехов и страстей. Просто у некоторых народов механизмы защиты от искушения грехами и страстями капитализма уже полностью сломаны, а у других народов эти защитные механизмы еще кое-как функционируют. Так, некогда японцы были крайне далеки от капитализма. Однако по истечении полутора веков после так называемой революции Мейдзи (1867–1868) они (не принадлежа к Западу) стали вполне капиталистической нацией. В Китае двадцать лет назад еще никто толком не знал, что такое капитализм, а сегодня миллиард людей, географически и культурно далеких от Запада, начинают быстро проникаться «духом капитализма».

Более заслуживает внимания другая мысль Вальцева: «Лютер, со своей Реформацией, никогда не являлся начальным пунктом движения к капитализму. Сначала появился Колумб (1492) с кораблями, набитыми золотом, и только потом Лютер (1517) со своими 95 тезисами против продажи индульгенций. Продажа индульгенций как бизнес уступила место новому бизнесу, более выгодному – грабежу колоний. В Средние века некого было грабить, и ментальные особенности

западноевропейцев не имели материальной базы. В Россию сунулись – тут Александр Невский, попробовали к арабам, османам, так те вообще до Вены дошли.

Почему, пренебрегая историческими реалиями, во главу угла ставится Реформация? Такой подход не случаен. Ложный тезис порождает ложную цепочку рассуждений о трудолюбии, бережливости, освященных неким религиозным чувством.

На самом деле в хозяйственной этике западного человека труд никогда не был окружен ореолом почитания. Деньги, желательно быстрые, желательно много. Вот ядро западного мировоззрения. И старт капитализма был дан не Реформацией, а нещадным грабежом колоний»[90].

Если не обращать в данном отрывке внимания на ошибочное представление автора о западном человеке как генетически предрасположенном к капитализму, то в «твердом остатке» можно выделить следующую мысль: *открытие Америки Колумбом,* давшее начало колониальным грабежам, было гораздо более существенным фактором развития капитализма в Европе, чем Реформация с ее «протестантской этикой».

Кстати, точка зрения Вальцева о роли географических открытий в становлении капитализма доста-

---

[90] Там же. С. 275.

точно распространена. Причем другие авторы обращают внимание на открытие не только Америки, но также – морского пути в Индию. Опровергая Вебера, современный исследователь капитализма *Юрий Кузнецов* пишет: «Процветание протестантских стран Северной Европы начиная с XVI века во многом объяснялось фактором Великих географических открытий – открытием Америки и, в особенности, морского пути в Индию. В результате Северная Италия и прилегающие к ней области (Венеция, Марсель) потеряли свою исключительную роль торговых посредников, находящихся на главных торговых путях в страны Востока»[91]. Подобную точку зрения можно назвать условно *«геополитической».* Она вполне аргументирована, с ней следует согласиться. Однако она не исключает ответа на вопрос: каковы духовные и религиозные причины (корни) капитализма?

Заслуживает внимания позиция современного исследователя хозяйственной этики христианства *Н. В. Сомина*[92]. Он считает, что протестантизм никаким осо-

---

[91] *Кузнецов Ю.* Тезисы о Вебере. Протестантизм и генезис европейского капитализма // Интернет. Ю. Кузнецов в данном вопросе ссылается на работу известного английского историка и социолога Робертсона (одного из наиболее известных ранних критиков Вебера): Robertson H. M. Aspects of the Rise of Economic Individualism: A Criticism of Max Weber and his School. N. Y. 1933 (pp. 168–206).

[92] См.: Сомин Н. В. Блеф «Протестантской этики» // Сайт «Христиан-

бым мистическим «духом капитализма» (который пытался разглядеть Вебер) не обладает. *Протестантизм, по его образному сравнению, оказался подобен большой «пробоине», которая возникла в стене христианских запретов и ограничений.* Эта стена выстраивалась и поддерживалась христианской церковью в целях защиты общества от разрушительной стихии капитализма с тех пор, когда христианство приобрело статус официальной государственной религии (т. е. со времен императора Константина Великого). Христианская церковь хорошо понимала человеческую природу, отягощенную грехами и страстями сребролюбия, стяжательства, зависти, сластолюбия, властолюбия, тщеславия и т. п. Однако в силу целого ряда причин Церковь как земная организация стала ослаблять свое противостояние страстям и «духу времени». Все это хорошо описано в книгах по церковной истории.

Через внезапно образовавшуюся «дыру» в стене ограничений и запретов в традиционное общество стремительно ворвался «дух капитализма» и стал быстро уничтожать христианство в его католической модификации и сложившийся социальный порядок. Впрочем, иного ждать и нельзя было, ибо католицизм лишь номинально оставался христианской религией,

---

ский социализм как русская идея».

а фактически выродился в ересь, лишившись благодати Святого Духа. Атмосфера истинной духовности сменилась атмосферой удушающих запретов и наказаний (достаточно вспомнить инквизицию[93]). Страх Божий был замещен страхом наказания со стороны представителей иерархической вертикали власти Ватикана. А страх человеческий, как известно, плохая гарантия от «пробоин» в стенах административных запретов. Для понимания этой истины даже не надо быть знатоком европейской истории Средних веков. Достаточно вспомнить события 1991 года, когда разом рухнули все стены запретов, ограждавшие и защищавшие Советский Союз как государство.

Кстати, протестантизм оказался «дырой» не только в стене, защищавшей духовное пространство Европы. Протестантизм сыграл роль «дыры» в стенах ее экономического пространства. Напомним, что, по мнению Зомбарта, главными носителями «духа капитализма» были евреи. Будучи скованы разными запретами и ограничениями в католических странах, они устремились в страны победившего протестантизма, где получили «режим наибольшего благоприятствования» и способствовали быстрому капитали-

---

[93] В период с 1481 по 1808 год репрессиям со стороны инквизиции подверглось около 300 тыс. человек, в том числе более 30 тыс. человек были сожжены (Тростников В. Н. Вера и разум… С. 111).

стическому развитию принявших их стран. Хотя считается, что наиболее либеральный для евреев режим предлагали страны с преобладанием кальвинистов и пуритан, однако и страны с лютеранским протестантизмом оказывались вполне подходящими для раскрытия потенциала их «капиталистического духа». Достаточно вспомнить, что Ротшильды, Варбурги, Шиффы, Мендельсоны и многие другие известные еврейские банкиры начинали свою капиталистическую карьеру в лютеранской Германии.

Ряд исследователей полагает, что исходной точкой развития капитализма следует рассматривать не великие географические открытия и не Реформацию, а *Возрождение* и *движение, называемое гуманизмом.* Впрочем, Возрождение и гуманизм тесно переплетены, они, прежде всего, зародились в Италии, проявили себя в сфере литературы и искусства. Для Возрождения и гуманизма характерны два признака:

а) в центре мироздания оказывается человек, а Бог уходит на второй или даже десятый план;

б) в качестве эталона искусства рассматривается искусство античного общества, при этом вместе с античным искусством в жизнь средневекового человека начинают привноситься идеалы и принципы язычества.

Можно еще добавить, что Возрождение и гуманизм

были своеобразной реакцией протеста на политику католицизма, который действительно создавал удушающую атмосферу в обществе. Впрочем, о католицизме у нас разговор еще впереди. Здесь же мы хотим подчеркнуть, что Реформацию и борьбу католицизма с зарождающимся протестантизмом можно рассматривать как серьезную грозу, которая бушевала над Европой на протяжении нескольких десятилетий. Некоторые историки полагают, что гроза завершилась с окончанием так называемой тридцатилетней войны, после подписания в 1648 году Вестфальского мира. Именно от этой временной точки, между прочим, некоторые историки ведут отсчет существования современного капитализма. Так вот, грозе Реформации предшествовали раскаты грома в виде Возрождения и гуманизма, которые исходили из Италии. Вот что пишет по этому поводу *В. Н. Тростников,* известный философ и православный публицист: «Раньше всего эти настроения появились у темпераментных итальянцев, которые уже в XIV веке стали инициаторами литературно-художественного движения, получившего название „гуманизм“, под которым понималось освобождение человеческой личности от гнета церковников. В самом раннем произведении этого рода, „Декамерон“, его автор Боккаччо изображает католических монахов хищными, корыстолюбивыми, похот-

ливыми и невежественными паразитами общества. Но это была только проба сил»[94]. Впрочем, мнение В. Тростникова (и многих исследователей Средних веков) не противоречит взглядам тех авторов, которые рассматривают Реформацию и протестантизм в качестве мощного толчка капиталистического развития Европы, а лишь дополняет их.

Но стоит отметить, что средневековая Италия во времена Боккаччо, Тициана и Микеланджело была оазисом банков, которые занимались как кредитными, так и депозитными операциями, получали капиталистическую прибыль в виде ссудного процента (между прочим, в XIII–XIV веках банков в Европе больше нигде не было). Тут мы также сталкиваемся с дилеммой «курица и яйцо: что из них возникло раньше?» Может быть, «дух капитализма», исходивший из банковских кварталов Генуи, Флоренции и Венеции, и предопределил разложение христианства и его замещение в сфере искусства творениями, заимствованными из античного языческого мира? А затем языческая «зараза» из сферы высокого искусства стала распространяться на сферу повседневной бытовой и хозяйственной жизни?

В общем, даже самый беглый обзор средневековой

---

[94] *Тростников В. Н.* Вера и разум. Европейская философия и ее вклад в познание истины. – М.: Грифон, 2010. С. 111.

жизни Европы ставит под сомнение теорию Вебера о первичности «протестантской этики» по отношению к капитализму Капитализм представляется более фундаментальным явлением и процессом, а протестантизм и все его вариации – не более чем конкретно-исторические формы проявления капитализма. Иначе говоря, Вебер засмотрелся на маску, но не разглядел за ней отвратительную рожу капитализма. Рожу того капитализма, который существовал еще за несколько тысячелетий до Вебера.

«Свой – чужой» как принцип капитализма

За «кадром» теории Вебера о происхождении капитализма остался еще важнейший источник «духа капитализма». Речь идет о принципе «свой – чужой», которым руководствовались пионеры капитализма и который формально не входил в этические нормы протестантизма. Ряд исследователей истории капитализма и протестантизма придерживаются примерно следующей схемы объяснения причин необузданной энергии кальвинистов (именно кальвинистов, у которых это выражено особенно ярко):

а) кальвинистский фанатик тем или иным способом получает начальный капитал;

б) этот капитал для него служит подтверждением его «богоизбранности» и «исключительности»;

в) это дает ему уверенность в том, что он как «избранный» обладает правом господствовать над другими людьми.

Другие люди, не получившие «знак» «избранности» в виде богатства, – люди «второго сорта», которых его протестантский бог предопределил быть рабами «избранного». По сути это, «протестантский расизм», который имеет не этническую, а социально-экономическую природу Наблюдаются определенные параллели с иудаизмом, который характеризуется презрительным отношением иудеев (евреев) к тем, кто не принадлежит к их племени. Согласно талмудическому иудаизму для иудеев остальные – не просто «чужие», они даже не люди, а просто живые существа, имеющие внешность человека. В Ветхом завете мы встречаем много мест, где проводится четкое деление на «своих» и «чужих». В контексте рассматриваемых нами экономических проблем весьма значимым является следующая установка иудаизма: «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост» (Втор. 23: 19–20). Евреи почти две тысячи лет находились в рассеянии, т. е. среди «чужих». Поэтому приведенная вы-

ше установка из Второзакония последовательно реализовывалась (и продолжает реализовываться) носителями иудаистской идеологии через практику ростовщической эксплуатации всех «чужих».

Если не принимать во внимание упомянутого *«протестантского расизма»,* трудно понять, откуда бралась такая хладнокровная жестокость, которую проявляли первые носители «духа капитализма» в эпоху первоначального накопления капитала. В Европе эта жестокость проявлялась по отношению к мелким землевладельцам, которых сначала лишали земли, а затем убивали или заставляли работать как рабов. В Америке белые протестантские колонисты проявляли эту жестокость по отношению к индейцам, которых поголовно уничтожали «как зверей» (кстати, колонисты-католики, которые осваивали Южную Америку, такой жестокости не допускали). В Африке протестантские купцы (вместе с купцами-иудеями) проявляли эту жестокость по отношению к местным жителям, которых захватывали или покупали в рабство.

Впрочем, жестокостью отличались и католики. Но у католиков физическое насилие удивительным образом сочеталось с «христианской заботой о душе» захватываемых в рабство аборигенов. Португальские монархи вместе с Папой Римским требовали, чтобы захватываемые рабы обязательно были крещены. По

этому поводу был издан даже специальный королевский эдикт 1519 года. Если речь шла о невольниках, которых отлавливали в Африке, то они должны были быть крещены обязательно до погрузки на корабли, которые отправлялись к берегам Америки. Это требование было обусловлено тем, что многие рабы в пути умирали: в этом проявлялась «трогательная забота» о душах невольников. Позднее другие католические страны также приняли аналогичные законы. Так, французский король *Людовик XIII* издал в 1648 году акт об обязательном крещении рабов.

Принцип «свой – чужой» в протестантизме в течение нескольких столетий превратился в освященную «наукой» идеологию и психологию крайнего индивидуализма.

Впрочем, у ранних протестантов еще сохранялись какие-то элементы коллективизма и солидарности. Как пишет *Н. В. Сомин,* «протестантство, и кальвинизм в особенности, по большей части существовало небольшими общинами, боровшимися за выживание в условиях враждебного окружения. В связи с этим вырабатывалась своеобразная идеология, согласно которой наживать деньги ради общины было не только не зазорным, но рассматривалось как христианская добродетель. Позднее наши старообрядцы продемонстрировали совершенно аналогичную психоло-

гию»[95]. Мы полагаем, что у поздних протестантов чувство коллективизма и солидарности уже атрофировалось.

В иудаизме имеет место *этнический индивидуализм* (этнос, племя, народ остается единым целым, не делимым на части); в протестантизме – *персональный индивидуализм* (общество дробится до мельчайших «атомов» – отдельных людей ego)[96]. В экономической науке Запада моделью и эталоном такого индивидуализма является Homo economicus – человек экономический. Он представляет собой крайнюю степень индивидуализма, когда к «своим» человек относит только самого себя (ego), а все остальные – «чужие». Сегодня мы наблюдаем на Западе распад даже «первичной ячейки» общества – семьи, что знаменует вступление западной цивилизации в финальную стадию дробления общества.

Примечательны наблюдения, сделанные *В. Зомбартом* в его книге «Буржуа». В ней он совершенно справедливо обращает внимание, что наибо-

---

[95] *Сомин Н. В.* Блеф «Протестантской этики» // Сайт «Христианский социализм как русская идея».

[96] Само слово «индивид» происходит от латинского *individum,* что означает «неделимый». Имеется в виду, что мельчайшей неделимой частицей общества (атомом социума) является человек (аналогия была взята философами из физического мира; еще недавно считалось, атом – «неделимый кирпичик» Вселенной).

лее последовательными и энергичными носителями «духа капитализма» были иноземцы, или пришельцы. Они не имели никаких кровно-родовых связей с местным населением и не были обременены такими предрассудками, как «родина», «отечество», «исторические корни» и т. п. Для пришельцев (эмигрантов, колонистов) местные все поголовно были «чужаками», к которым можно (и нужно) относиться жестоко – как к скотам или зверям. То есть убивать, эксплуатировать, грабить и обманывать. Также хищнически можно относиться к окружающей природе, культуре местного народа и его истории. Как пишет Зомбарт, «иноземец не ограничен никакими рамками в развитии своего предпринимательского духа, никакими личными отношениями: в своем кругу он встречает только чужих… Только беспощадность, которую проявляют к чужим, могла придать капиталистическому духу его современный характер»[97].

Зомбарт выделяет две основные категории таких беспощадных пришельцев: евреев, которые были перманентными мигрантами по всему миру, и европейских колонистов в Новом Свете. Первые имели очень длительный опыт наживаться на «чужих» и выступали в качестве учителей; вторые оказались очень

---

[97] Цит. по: Молотков А. Христианство и идеология рынка // Молодая гвардия, № 4, 2011.

способными учениками, которые нередко превосходили своих учителей. Как пишет Зомбарт, «… приносящие выгоду дела вначале вообще совершались лишь между чужими, тогда как своему собрату помогали; взаймы за проценты дают только чужому… так как только с чужого можно беспощадно требовать проценты и капитальную сумму, когда он их уплачивает (здесь Зомбарт имеет в виду известную установку древних евреев из Второзакония. – В. К.). Правом иноземцев было, как мы видели, еврейское право свободной торговли и промышленной торговли».

Беспощадность и хищничество пришельцев усиливаются тем, что их сознание ориентировано не на прошлое или даже настоящее, а устремлено исключительно в будущее, ради чего можно жертвовать прошлым и настоящим. Безусловно, такой фанатизм также имеет религиозное происхождение. «Для переселенца, – пишет Зомбарт, – как для эмигранта, так и колониста – не существует прошлого, нет для него и настоящего. Для него существует только будущее. И раз уж деньги поставлены в центр интересов, то представляется почти само собою разумеющимся, что для него единственный смысл сохраняет нажива денег как средства, с помощью которого он хочет построить себе будущее»[98].

---

[98] Там же.

Зомбарт обращает внимание на схожесть двух групп носителей «капиталистического духа» – иудеев (вечных мигрантов) и протестантов (колонистов). Но между ними есть и серьезные различия. Во-первых, в первой группе все-таки остается понятие «свои» (по признаку религии и/или крови); во второй группе практически нет «своих», все (даже люди одинаковой веры и крови) оказываются «чужими». Во-вторых, в первой группе устремленность в будущее имеет вполне осознанный характер (целью иудаизма является мировое господство, и их капиталистическая деятельность подчинена реализации этой долгосрочной цели); во второй группе нет осознанных долгосрочных целей, понимание будущего является крайне размытым. Неудовлетворенность некоторых представителей протестантизма (особенно пуритан) отсутствием внятной конечной цели иногда приводило их в лоно иудаизма.

Западная социология не могла обойти стороной принцип «свой – чужой», которым в своей повседневной жизни руководствовались и руководствуются миллионы людей. Известный французский социальный психолог *Серж Московичи* называет это «социальной психологией меньшинств»[99].

---

[99] См.: Московичи С. Машина, творящая богов. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.

Перенесемся мысленно из эпохи раннего капитализма в наше время. Как известно, после Второй мировой войны Запад стал активно реализовывать в жизни так называемый мультикультурный проект: смешение разных народов, рас и этносов с помощью либерализации или даже отмены существовавших ранее миграционных ограничений. Причины, подтолкнувшие Запад к проведению такого рискованного (как это стало очевидно сегодня) эксперимента, многочисленны, и их анализ выходит за рамки данной работы. Отметим лишь, что, по мнению ряда социологов, такое мультикультурное смешение усиливает «капиталистический дух» в обществе, ибо в монокультурном (или моноэтническом) социуме нельзя достичь необходимого градуса ненависти и жестокости, который необходим для поддержания капиталистического тонуса. С таким мнением мы полностью согласны.

Развитие «дикого» капитализма в России в последние два десятилетия было бы немыслимо без ситуации, когда бывшее советское общество оказалось четко поделенным на «своих» и «чужих». Прежде всего, деление произошло по национальному признаку. У нас сегодня идут какие-то разговоры (в основном шепотом) об «этнической преступности». Но дело в том, что наш *капитализм также оказывается «этниче-*

ским», однако об этом в силу «политкорректности» и «толерантности» почти никто не заикается. Размышления на эту тему нашел в недавно вышедшей интересной статье *Александра Молоткова.* Он пишет: «… всем нам памятна волна первичной капитализации начала 90-х, когда наиболее радикальное принятие духа капиталистической наживы любой ценой наблюдалось в первую очередь в среде лиц нерусской национальности: евреев, азербайджанцев, чеченцев и т. д., а также тех этнически русских капиталистов (не случайна модификация „новые русские“), которые утвердили свое фактическое отторжение от национального целого бесстыдством роскошных особняков на фоне нищенствующего народа»[100].

Добавим, что Россия все еще остается преимущественно монокультурным, моноконфессиональным и моноэтническим обществом, т. к. в ней пока преобладают русские и православные. По мнению «реформаторов», это тормозит дальнейшее развитие капитализма.

Для того чтобы Россия стала окончательно и бесповоротно капиталистической, ее надо сделать поликультурной, полиэтнической, поликонфессиональной. Такое общество будет состоять исключительно

---

[100] *Молотков А.* Христианство и идеология рынка // Журнал «Молодая гвардия», 2011, № 4.

из «чужих», в нем будет царствовать принцип: *homo homini lupus est* («человек человеку волк»). В этом истинный «цивилизирующий» смысл нынешней миграционной политики российских властей (хотя навряд ли наши чиновники могут внятно объяснить ту линию, которую они проводят в миграционной сфере)[101].

Вернемся к началам современного капитализма. Здесь прослеживается очень простая цепочка: многие установки иудаизма были восприняты протестантизмом, а догматы последнего подхватила и стала развивать народившаяся на свет европейская философия. Вероятно, последняя и была создана для того, чтобы выполнять «социальные заказы» тех, кто был заинтересован в строительстве капитализма. Смысл ряда «догматов» европейской философии очень прост: *«война всех против всех»* как объективный, «естественный» закон общества. В том или ином виде эту мысль проводили Дж. Беркли, Д. Юм, Дж. Локк, Т. Гоббс, Ф. Бэкон. Затем народившаяся на

---

[101] Обычно наиболее радикальные критики нынешней российской политики поощрения иммиграции говорят о том, что ее «пружиной» является экономический интерес – интерес получения крайне дешевой рабочей силы (более дешевой, чем рабочая сила местного происхождения). Это так. Но иммиграция необходима и для решения политических задач – полиэтническое и поликультурное общество является более удобным объектом управления, чем общество моноэтническое и монокультурное (вспомним древний принцип: «разделяй и властвуй»).

свет европейская экономическая «наука» (естественно, также для выполнения «социальных заказов») «облагородила» формулировку этого закона «всеобщего каннибализма» и назвала его «законом рыночной конкуренции».

Теория Вебера и современный капитализм

Нет сомнения, что современный протестантизм в значительной мере утратил тот религиозный фанатизм, который был присущ «первопроходцам» капитализма и о котором писал Вебер. Еще раз напомним читателям, в чем была религиозная подоплека этого фанатизма. Многие протестанты быстро накапливали большие богатства, но при этом придерживались аскетического образа жизни, продолжали держать себя в «черном теле». Некоторые исследователи пытаются дать чисто «материалистическое» объяснение этому феномену: мол, аскетизм первым капиталистам был нужен для того, чтобы «экономить» и быстрее накапливать капитал. Вот и *К. Маркс* в «Капитале» пишет: «Капиталист грабит свою собственную плоть»[102] и не может внятно ответить, зачем капиталист это де-

---

[102] *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч., 2-е изд-е. Т. 23. С. 611.

лает. А не может потому, что смотрит на историю становления капитализма глазами материалиста. *А первыми капиталистами двигал не «экономический интерес»* (*как думал К. Маркс*)*, а религиозное чувство.*

Центральным догматом кальвинизма был догмат о том, что все человечество делится на «избранных» и «прочих». Это очень похоже на центральный догмат иудаизма о делении человечества на «евреев» (они же – «избранные») и «всех остальных». Евреем нельзя стать в результате тех или иных заслуг в земной жизни, евреем рождаются. И тут уже ничего нельзя изменить. То же самое мы видим в кальвинизме: «избранным» нельзя стать в земной жизни. «Избранность» предопределена «свыше», «избранным» человек уже рождается. Но никаких внешних признаков «избранности» ни на теле человека, ни в его умственных или духовных способностях обнаружить нельзя. Этот признак «избранности» лежит вне самого человека и заключается в принадлежащем ему богатстве.

Религиозный адепт кальвинизма всю свою сознательную жизнь мучается одним лишь вопросом: «Я „избранный“ или нет?» Но он мучает не только свою душу, но также свое тело. Он живет на пределе своих физических и психических сил, добывая и приумножая свое богатство, пытаясь через это богатство доказать себе и окружающим, что он – «избранный». *Фа-*

натическая страсть накопления капитала – на самом деле не «материальная», а «духовная», религиозная страсть. Она отодвигает на задний план все другие страсти, в том числе страсть к материальным, чувственным удовольствиям.

Впрочем, религиозно-мистическое восприятие богатства – феномен, присущий не только протестантскому сознанию, но и другим религиям. Вероятно, протестантизм в своем понимании и восприятии богатства и бедности заимствовал многое из древнего язычества. А скорее всего, из Ветхого завета, в котором богатство было знаком благосклонного отношения Бога к человеку. Например, в книге Екклесиаста говорится: «Умножь имущество, умножь и потребляй», а чуть ниже добавляется: «И если какому человеку Бог дал богатство и имущество, и дал ему власть пользоваться от них и брать свою долю и наслаждаться от трудов своих, то это дар Божий»[103].

---

[103] Екк. 5:10, 18. Премудрый Соломон так возвышенно отзывается о богатстве: «Венец мудрых – богатство» (Пр. 14:24). Иисус, сын Сирахов, поучая сына, говорит: «Доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство – от Господа» (Сир. 11:14). Пророк Самуил ставит имущественное положение человека в прямую зависимость от расположения к нему Бога: «Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает» (1 Цар. 2:7). Вот еще несколько высказываний подобного рода из Ветхого завета: «И богатство, и слава от лица Твоего» (Шар. 29:12); «Богатство и сила возвышают сердце» (Сир. 40:26); «За смирением следуют страх Господень, богатство и слава» (Пр. 22:4). Особо выпукло мысль о богат-

Вот что пишет протоиерей *Андрей Ткачев:* «Богатство – явление мистическое. В древние времена люди считали, что богатство – это явный признак богоугождения. Для того чтобы определить, кто грешен, а кто праведен, люди пользовались очень простыми критериями. Дети есть? – Есть. – Верблюды есть? – Есть. – Ослы есть? – Есть. – Ты праведник. Бог тебя наградил. Другого спрашивают: дети есть? – Нет. – Ослы есть? – Один. – Верблюды есть? – Сдох последний. – Дом есть? – Вот, перекосился. – Значит, ты грешник. А как иначе определять? Люди были простые, все было „дешево и сердито“. В чем-то они были правы, но в основном ошибались. Потому что мы-то теперь знаем, что можно быть праведным и больным. Праведным и бедным. Праведным и одиноким. А можно быть неправедным и богатым. Неправедным и многодетным. Все это теперь бывает, мы это знаем»[104].

Сегодня, конечно, протестантизм уже не тот. В нем нет прежнего мистического трепета и преклонения перед богатством. Восприятие богатства огрубело, стало более материалистическим. Впрочем, и такое отношение к богатству все равно не перестает быть ре-

---

стве как благоволении Бога звучит в книге Иова: чтобы испытать Иова Господь отбирает у него богатство, но после искушений в знак Своего благоволения Он с лихвой все возвращает праведнику.

[104] *Прот. Ткачев А.* Беседы на Евангелие. О богатом юноше // Журнал «Православный взглядъ» № 6 (11), 2011.

лигиозным.

От «протестантской этики» к «естественному праву»

Современный протестантский капиталист в своей повседневной жизни руководствуется лишь земными интересами. Фактически бессмертия души для него не существует; в лучшем случае он может на эту тему пофилософствовать, но для него «рай» и «ад» – лишь красивая сказка, метафора. Наличие капитала для него – «билет», который дает право на вход в *«земной рай»,* а цифра, определяющая величину этого капитала, указывает на то, в каком «сегменте» этого «земного рая» может находиться предъявитель «билета». Несколько веков назад было несколько иначе: наличие капитала рассматривалось в качестве «билета», дающего право на вход в *«небесный рай»;* величина капитала определяла, в каком «сегменте» или «ярусе» «небесного рая» окажется предъявитель «билета».

Конечно, в современной капиталистической деятельности религиозная мотивация человека сохраняется, но она уходит в сферу «подсознательного». Вот что пишет по этому поводу *Ю. Бородай:* «В соответствии с протестантской установкой, чтобы определить

уровень нравственного достоинства, в США достаточно спросить: сколько стоит этот человек? Нам, православным, невдомек, что этот главный в США вопрос имеет не столько прагматическую, сколько глубоко религиозную значимость»[105].

В недрах кальвинизма (и протестантизма в целом) постепенно складывается система знаний и правил экономии (рационального использования) всех ресурсов, включая время для достижения максимального денежного результата – прибыли. Наиболее законченный вид эта система обрела в рамках течения, называемого *методизм* (что-то вроде секты внутри протестантизма[106]). Позже система этих знаний и правил (наподобие детальных предписаний всех сторон жизни человека в иудаизме) обрела статус *«экономической науки».*

По мере развития капитализма даже «протестантская этика» становилась тормозом для такого развития. Перед протестантскими теологами и философами была поставлена непростая задача: полностью освободить носителя «духа капитализма» от каких-либо этических и религиозных оков при со-

---

[105] *Бородай Ю. М.* Почему православным не годится протестантский капитализм? // Наш современник, 1990. № 10.

[106] Методизм сложился в первой половине XVIII века в Великобритании и Северной Америке на почве англиканства.

хранении его формальной принадлежности к протестантизму. Выход был найден путем новаторского переосмысления понятия *«естественное право»*[107]. Таким «переосмыслением» занимались немецкий юрист и теоретик права *Иоганн Алтузия* (1557–1638) и голландский юрист, основоположник международного права *Гуго Гроций* (1583–1654). В сфере социально-экономических и политических отношений, по мнению Г. Гроция, главным ориентиром для принятия решений и оценки поступков человека должны выступать не нравственные и религиозные нормы (справедливость, любовь, помощь ближнему, сострадание, сотрудничество и т. п.), а «целесообразность» и «польза» – высшие императивы «естественного права». При этом в сфере общественных отношений провозглашается еще один императив: *«свобода человека».* Что это за «свобода»?

Во-первых, это свобода от Бога и тех норм этики, которые вытекают из религиозных представлений.

---

[107] *Естественное право* – одно из широко распространенных понятий политической и правовой мысли, обозначающее совокупность или свод принципов, правил, прав, ценностей, продиктованных естественной природой человека и тем самым как бы независимых от конкретных социальных условий и государства. Е. п. выступало всегда как оценочная категория в отношении действующей в данном политическом обществе правовой системы и закрепляемого ею строя общественных отношений (Большая советская энциклопедия, статья Естественное право).

Бог не вмешивается в сферу действия «естественного права». Как подчеркивал Г. Гроций: «Естественное право… столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим Богом…»[108] Этот идеолог протестантизма считал, в частности, что объединение людей в государство состоялось не по воле Бога, а вследствие «естественной необходимости».

Во-вторых, это свобода «делать деньги». Как отмечает *А. Ваджра,* Г. Гроций «декларирует требования разума (императивы естественного права): защита имущества, возвращение полученной на время вещи и компенсация извлеченной из нее выгоды, обязанность соблюдения договоров, возмещение ущерба, а также наказание в соответствии с проступком. Как можно заметить, в данном случае имел место стандартный перечень необходимых условий торговой и финансовой деятельности»[109]. Известный французский историк *Люсьен Февр* (1878–1956) писал по поводу появившегося на заре капитализма лозунга «свобода»: «Свобода, свобода; этим словом клянутся в Антверпене торгаши, жаждущие выгодных спекуляций; это слово повторяют капиталисты, силь-

---

[108] История политических и правовых учений. Учебник. Под ред. Лейста О. Э. – М.: Юридическая литература, 1997. С. 165.

[109] *Ваджра А.* Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. – М.: АСТ: Астрель, 2007. С. 86.

ные люди… это слово твердят в своем аугсбургском дворце несокрушимые и всевластные Фуггеры, чьи несметные богатства окружают их сиянием золотых легенд»[110].

Как известно, жизнь человека в христианской Европе всегда была в той или иной мере раздвоенной. Одна часть его жизни – религиозная, выражающаяся в том, что он посещает церковь по воскресеньям и в праздники, молится дома, исповедуется и причащается, крестит детей, отпевает умерших членов семьи и т. п. При этом он стремится, чтобы жизнь в его семье и при общении с родственниками, ближайшими соседями и друзьями выстраивалась строго на христианских принципах. Более или менее серьезные отклонения от этих принципов (т. е. греховные поступки и даже мысли) добросовестным и богобоязненным христианином фиксируются в памяти, при этом он исповедует эти грехи.

Другая часть его жизни – хозяйственная, которая нередко оказывается большей по времени, чем первая часть. В хозяйственной жизни человек вступает в отношения с другими людьми в качестве работника

---

[110] *Февр Люсьен.* Бои за историю. – М.: Наука, 1991. С. 206. Упоминаемые Л. Февром *Фуггеры* – крупнейший наряду с *Вельзерами,* купеческий и банкирский дом Германии XV–XVII веков, который вел дела по всей Европе и за ее пределами. Деятельность Фуггеров – высшая точка в развитии раннего европейского капитализма.

и работодателя, покупателя и продавца, кредитора и заемщика, истца и ответчика, заказчика и исполнителя, партнера по совместному труду и т. п. Хотя христианская церковь формулировала этические нормы для выстраивания правильных отношений в хозяйственной сфере, даже в самые благополучные периоды истории христианства эти нормы очень слабо учитывались и исполнялись. Хозяйственная сфера оказывается автономной от церкви и религии. На протяжении многих веков существования христианства у людей сложилась система «двойных стандартов»: в семейно-бытовой сфере христианские нормы исполняются более или менее строго (собственно, это и есть религиозная сфера жизни человека); в хозяйственной сфере они исполняются намного хуже или не исполняются вовсе. Достаточно вспомнить средневековую Европу, в которой католическая церковь устанавливала строгие ограничения и запреты на занятие ростовщичеством. При этом эти нормы очень слабо исполнялись, причем их игнорировало в первую очередь само церковное начальство. В эпоху раннего христианства в обществе существовало рабство, но церковь достаточно спокойно относилась к этому явлению; даже многие искренне верующие христиане имели рабов и не собирались от них отказываться. Конечно, такая «раздвоенность» христианского сознания все-

гда создавала дискомфорт, тяготела над христианами (как клириками, так и мирянами), периодически это приводило к потрясениям в социально-политической и церковной жизни. Самое крупное такое потрясение – Реформация, которая была болезненной реакцией христианской Европы на грубое попрание самим Святым Престолом этических норм, относящихся к сфере социально-экономических отношений. Католицизм иногда искренне, а иногда лишь для вида пытался разными способами преодолевать эту «раздвоенность» путем разработки христианских этических норм хозяйственной жизни и их практического внедрения в жизнь[111].

Выведение хозяйственной сферы за рамки религиозных норм, замена их императивами «естественного права» стало своеобразными способами преодоления этой «раздвоенности» христианского сознания[112].

---

[111] О подобной «раздвоенности» христианской жизни и христианского сознания достаточно обстоятельно пишет Н. В. Сомин в статье «Трансформация общества: очерк христианской социологии» (сайт «Христианский социализм как русская идея»). Эту «раздвоенность», которая устойчиво существовала до капитализма в христианском обществе, он называет «своеобразным паритетом храмового христианства и экономического язычества». После прихода капитализм указанный «паритет» был сломан – в пользу «экономического язычества».

[112] Надо иметь в виду, что такое выведение хозяйственной жизни в сферу действия «естественного права» в протестантизме произошло не сразу же после того, как Г. Гроций и ему подобные заявляли о своих

Кстати, в «старые, добрые времена» экономику изучали как один из разделов христианской этики. В связи с протестантским открытием «естественного права» экономика почти полностью исчезла из учебников по этике, зато расцвела пышным деревом различных самостоятельных «экономических дисциплин». Если раньше те или иные экономические действия (проекты) оценивались, прежде всего, с точки зрения их нравственности, то в эпоху «капиталистической эмансипации» экономики они стали оцениваться с точки зрения их коммерческой (финансовой) эффективности. На нравственную оценку экономических решений (действий) сегодня никто не обращает ни малейшего внимания. Ни в одном современном учебнике экономики мы не найдем даже намека на постановку вопроса о нравственной оценке экономических решений. Везде речь идет лишь о коммерческой (финансовой) эффективности. Авторы таких учебников, видимо, осознанно или неосознанно исходят из следующей посылки: «что коммерчески эффективно (т. е. прибыльно), то и нравственно».

На полную «капиталистическую эмансипацию» экономики от норм христианской этики обратил внимание известный западный философ, социолог и со-

---

«открытиях». Это достаточно растянутый процесс, который в некоторых протестантских церквях еще не завершился до конца.

циальный психолог *Эрих Фромм* (1900–1980). Он, в частности, писал: «Радикальный гедонизм и безудержный эгоизм не могли бы возникнуть как руководящие принципы экономического поведения, если бы в XVIII веке не произошло коренного изменения. В средневековом обществе, как и во многих других высокоразвитых и примитивных обществах, экономическое поведение определялось этическими нормами. Так, для теологов-схоластов такие экономические категории, как цена и частная собственность, были частью нравственной теологии… *В несколько этапов капитализм XVIII века претерпел радикальное изменение: экономическое поведение отделилось от этики и человеческих ценностей* (*курсив мой. – В. К.*)»[113].

[113] *Э Фромм.* Иметь или быть? – Киев, 1998. С. 196–197.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.